
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай Макаров
(г. Тула)

О МЕДИЦИНЕ... И НЕ ТОЛЬКО

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В воздушно-десантных войсках врачи не только прыгают с парашютом, но и занимаются своими профессиональными обязанностями.

...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые, июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются — откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки». Восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом обрывается и ко мне подходит один из них. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки больного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лепечет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытаюсь встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камрад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами (семь человек) внедряются (точнее не скажешь) на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гиппократа!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьми деньги. Если не возьмешь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свой труд (во, философ — не за работу, а — за труд) каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру (мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям) и Алеше Филатову — пятьдесят рублей...

За добросовестно проделанный труд...

...Зимние квартиры. Место постоянной дислокации. Около Комсомольского парка. Июльская воскресная духота. Мое суточное дежурство по медицинскому пункту полка. Не отдыхает только ленивый. Тишина даже на территории воинской части.

Эту идиллию вскоре нарушает тарабарщина мужского и женского голосов на незнакомом языке. В медпункт врывается Васька Синицын, майор, начальник штаба батальона, стопроцентный цыган (за 25 лет службы я больше ни разу не встречал цыгана-офицера) с окровавленной девчушкой на руках. Врывается и его жена, цыганка. Окровавленная девчушка (почему-то тоже цыганка?) на руках — их семилетняя дочь.

Бледная. Ни кровиночки на смуглом личике. Кровь на руках и белом ситцевом платке. И ни одного слова, ни одного всхлипывания от нее. Абсолютно сухие глаза. Это не болевой шок. Это не потеря сознания. Это сознательно стиснутые зубы, чтобы не закричать, не заплакать от боли.

Пострадавшую (раненую?) — в перевязочную. (Родители, куда прете? Стойте за дверью). На перевязочный стол. Что там — у нее? Левая рука. Предплечье. От кисти вверх по внутренней стороне по направлению локтевой ямки четыре пятисантиметровые борозды распоротой кожи. Лоскуты кожи. Кровище.

Сухожилия. Мышцы. Вены. Артерии пульсируют. Слава Богу — ничего не задело. Кожа только порвана. Противостолбнячная сыворотка. Обработка раны. Тугая повязка. Зашивать раны не стал — ребенок. А я не детский хирург, не косметолог.

Так и объяснил отцу и матери, когда повезли их дочь на «санитарке» в больницу «Семашко». Там, во время наложения швов на эти раны (жуткие, страшные для ее семилетнего возраста) она опять не проронила ни словечка. Ни одна слезинка не упала из ее по-цыгански очаровательных, прекрасных глаз.

Только возвращаясь из больницы домой, она попросила отца:

— Не наказывай Мурзика!

Оказывается, в ее ранах был виноват домашний любимец, сиамский кот Мурзик, которого она вынесла на улицу поиграть с другими кошками. Когда собралась унести его обратно домой, Мурзик всего один раз махнул лапой с острыми, как лезвие бритвы, когтями...

Через пару недель на Маринке все зажило, как... на цыганке. Маленькой, симпатичной цыганке...

...Это же душно-томное лето. Опять мое дежурство (Везет мне!). На этот раз субботний вечер. Время после солдатского ужина. Очумевшие от ужаса глаза полуголового солдата.

— Там... Девочка... Утонула...

Сумка неотложной помощи через плечо. С места, как на стометровку с низкого старта. Сзади — Лешка Филатов, санинструктор, мой земляк. Тоже «тамбовский волк», из соседнего села.

До озера, прямо за территорией части,— рукой подать. Вон, белесет на берегу, комочек бесформенного тельца в окружении растерянной детворы и полдюжины солдат.

Не отдышавшись, с места «в карьер», кладу этот «комочек» (возможно еще живого тельца) животом себе на колено. Нажимаю на ее хрупкую спинку.

Ух! Пошла вода изо рта и носа. Жму еще. Еще пошла вода. Переворачиваю ее на спину. Кладу на кем-то подстеленную гимнастерку. Делаю искусственное дыхание. Изо рта в рот. Леша синхронно производит непрямой массаж сердца.

Минута. Другая. Без изменений. Включается «автопилот» — протягиваю руку. Санинструктор уже приготовил адреналин и шприц с длинной иглой.

Готово? Ну, с Богом! Делаю внутрисердечную инъекцию адреналина (до этого случая изучал эту манипуляцию только по учебникам). Филатов вместо меня продолжает делать искусственное дыхание.

Неужели — все? Неужели?..

Ура!!! Пульс есть. Маленький, нитевидный, еле заметный! Но есть! Сердце вновь забилося в грудной клетке. В ее маленькой клеточке. Она закашляла. Задышала самостоятельно. Процесс пошел...

В подбехавшую машину «Скорой помощи» мы передали живую девочку. Живую!.. К сожалению... не узнал ни ее адреса, ни как ее зовут...

...Без году неделя как перевелся служить в медсанбат. Бактериологом в СПЭВ (СПЭВ — санитарно-противоэпидемио — логический взвод, за время службы в котором название менялось раза три-четыре. Но не в этом суть).

Первое мое врачебное дежурство в медсанбате (сейчас имеет гордое название: «Аэромобильный госпиталь»). Пятница. Окончание рабочего дня. У офицеров и прапорщиков — физическая подготовка. Волейбол. Я сижу в приемном отделении (вначале этот случай хотел описать без кое-каких подробностей, но... истина дороже).

Итак.

Привозят больного солдата из саперного батальона. Болит живот (В моей голове сразу что-то щелкнуло: «прободная язва»). Укладываю на кушетку. Пальпирую живот. Больной орет. Сам живот — твердая «доска». Точно. Мысль, неизвестно откуда влетевшая в мою голову еще до осмотра солдата, оказалась пророческой. Прободная язва!

Иду в спортзал. Говорю хирургу — Валерке Пыхтунову — хирургу от Бога! (мой однокашник по Томску).

— Хорош играть! В приемной — «прободная»!

Игра в разгаре. Мяч мечется над сеткой. Азарт. Как бросить игру? Некогда!

— Смотри сам! Чему тебя учили?

Через десяток минут иду снова в спортзал. Теперь силой уволакиваю его из игры. С неохотой идет за мной. Мнет, щупает живот. Опять мнет. Больной в полудреме. Что странно — не орет. И живот, вроде, мягкий.

— Не сс..! Не паникуй! Ничего страшного. Простая кишечная колика. Под наблюдение дежурного врача. Под твоё наблюдение. Больного — в палату.

После волейбола — баня. Пивцо. Винцо. Продолжение банкета. Если что — вызывай. Телефоны. Домашний. Еще — один. Еще — другой. Адрес. Еще — адрес. Еще — другой адрес. Водила знает. Если что, присылай машину.

Все уехали. Остался один. С дежурными медсестрами, с дежурным по части (прапорщик Цюка), с личным составом эвакуоты (было такое подразделение в медсанбате — эвакуационная рота), с более полусотней больных (в хирургическом и терапевтическом отделениях). Так что, выходит, остался не один.

Делаю вечерний обход. Захожу в палату, где лежит мой «крестник». Он стонет.

Ощупываю живот. «Доска!» твердая, жесткая «доска!» А не мягкие мышцы живота. Консилиум (?) с дежурной медсестрой: надо срочно оперировать.

Двенадцатый час ночи. Посылаю дежурные машины. Одну — за Пыхтуновым. Другую — за операционной сестрой: Любой Дерябиной.

На первой машине приезжают двое: мой друг-приятель (с Валеркой еще в Томске забирал его сына с женой из роддома) и Володька Агапов, хирург-анестезиолог.

Идем к больному. Мой диагноз: «прободная язва». Их диагноз: «аппендицит». Кишечной колики, однозначно, нет. Все равно: на стол!

Агапов оперирует. Макаров ассистирует. Пыхтунов осуществляет общее руководство из ординаторской. С дивана, устав от «продолжения банкета» (это мое первое участие в подобной операции, не считая институтских тренировок на собачках. Хирургия — не моя стихия. Ничего тут не поделаешь. Но если Родина прикажет. Не зря же шесть лет учился чему-то в медицинском).

Мы в масках. Больной на столе. Операция началась. Новокаин. Разрезается кожа. Новокаин. Вновь разрез. Новокаин. Вскрывается брюшина. И... фонтан жидкости. Из этого разреза.

Перитонит!!! От прободной язвы!

Санитарка — за Пыхтуновым. Мы с Агаповыми и Дерябиной в напряжении, не зная, что предпринимать дальше.

Возвращается санитарка. Появляется Пыхтунов. Помятый. Небритый. Глаза мутные, красные. Маску держит рукой. Мельком глянув на больного, Агапову:

— К аппарату! — И вышел.

У меня на языке вертится вопрос: «Как он будет в таком состоянии оперировать?»

Через десяток минут он опять появляется в операционной. Он или не он? Собранный, напористый, жестокий, в любую секунду готовый броситься и разорвать в клочья, хищник.

Пыхтунов оперирует. Макаров ассистирует. Агапов — общий наркоз. Операция началась. По поводу прободной язвы желудка.

Я никогда не видел, как настоящие Художники пишут свои картины. Создают Шедевры. Наверное, так же, как оперировал (надеюсь, и сейчас оперирует) Валерка Пыхтунов. Из восьмого десантного взвода Томского военмедфака.

Операция закончилась благополучно. Основные действующие лица: больной — в наркозном сне в послеоперационной палате; хирург с анестезиологом — в ординаторской пишут «оперу»; дежурный врач готовится к встрече командира батальона Белого Валерия Ивановича и начальника медицинской службы дивизии Щербина Владимира Ивановича.

Начинается новый рабочий день.

Приемный покой. Я докладываю о случившемся ночью Щербину (он самый большой медицинский начальник в дивизии). Белый стоит рядом. Рассказываю о ходе операции (только деловая часть, никаких лирических отступлений). И... не понимаю реакции начмеда.

— Как ты смел? Кто приказал? На каком основании? Почему? Бактериолог и оперировать? Его что ли нельзя было вызвать?

Я молча смотрю на Белого: что, дескать, за беспредельщина такая?

— С тобой еще разберемся! И накажем! По всей строгости! Чтобы неповадно! Другим! А где — эти? Негодяи!

Пытаюсь влезть в гневный монолог Щербина.

— Отдыхают после операции. Заслуженно.

Командир батальона, подполковник медицинской службы Белый Валерий Иванович, мой непосредственный начальник, командирским резким четким голосом подводит резюме:

— За проявленную смелость и решительность во время несения дежурства объявляю гвардии капитану медицинской службы Макарову Николаю Алексеевичу благодарность в приказе с награждением денежной премией!..

— Служу Советскому Союзу!..

...Очередные показательные занятия. Прохождение штурмовой десантной полосы ротой разведки. На глазах у генералитета из Министерства обороны. На глазах у Рауля Кастро.

Все в огне. Все в дыму. Все стреляет. Все взрывается. Кусочки самбо. Кусочки каратэ. Кусочки рукопашного боя. Мельканье кулаков. Мелькание подкованных сапог. Мелькание штык-ножей. Мелькание саперных лопаток.

На последнем рубеже, около горящего полуразрушенного здания, перед глазами высокопоставленной публики (дым вдруг рассеялся), вместо того, чтобы откатиться влево (как на тренировках) один солдат откатывается вправо (забыл, наверное, в этом огненном азарте). Откатывается вправо и получает, со всего размаха, удар штык-ножом. В область сердца...

Крики?.. Нет, криков не было. Западло русскому десантнику кричать от боли, от какого-то там удара штык-ножичка. Тем более, на глазах у нашего лучшего брата-министра обороны Кубы.

Опять дым повалил в сторону зрителей, которые так и ничего не поняли. Мне в этой огненно-дымовой свистопляске приходится делать бойцу обезболивающее, накладывать тугую повязку на грудную клетку. На носилки пострадавшего и — в медсанбат.

Какие-то доли миллиметра отделяли сердце (был слегка задет перикард — оболочка сердца) от лезвия штык-ножа. Через месяц десантник поехал в отпуск...

...Похожий случай. Почти похожий.

Слякотная мартовская ночь. Ротные стрельбы из всего штатного оружия. Автоматы, ручные пулеметы, ручные гранатометы, противопехотные наступательные гранаты, пулеметы и пушки всех ротных БМД (БМД — боевая машина десанта): шквал огня в кромешной темноте. Свет только от трассеров; горящие фонарики на спинах командиров, да подсветка мишеней, габариты боевых машин.

Цепь солдат и БДМ растягивается по фронту почти на километр. Кто-то на пяток метров впереди, кто-то на эти же метры отстает. Днем-то трудно держать более-менее равнение при ротных стрельбах (хотя, идеальное равнение, в принципе, и не нужно), а что тогда говорить о ночных стрельбах. Когда практически не видно ни соседа слева, ни соседа справа. Какие-то только огоньки. То ли мишенная подсветка, то ли фонарик у кого на спине. Вальпургиева ночь, одним словом. Шабаш на Лысой горе. Так, ненароком, можно и попасть вместо мишени в кого-нибудь. Тьфу, тьфу, чур меня, нечистая.

Я еду сзади на «санитарке» (УАЗ-452-А), рядом с БТРД (БТРД — бронетранспортер десанта, похожий на БМД, только без башни и пушки). На котором находятся, кроме механика-водителя, руководитель стрельб и посредник из штаба дивизии. Мой первый комбат, подполковник Нестеров Виктор Васильевич (для ближайшего окружения и друзей — «Нестор Петрович»).

В какой-то момент, неуловимый миг (а можно ли этот миг уловить?) меня «накрывает» какая-то вязкая чернота весеннего уплотненного (можно даже потрогать) воздуха. В тревоге бьется сердце. Время останавливается.

Сейчас что-то произойдет. Что-то случится непоправимое. Нужно остановить эту огненную ночную свистопляску. Срочно прекратить стрельбу. Иначе — быть беде.

Перебираюсь на БТРД. Прошу Нестерова прекратить стрельбу. Он, естественно, посылает меня с моими ощущениями к батьке Махно. И...

Прямо перед нами в каких-то пяти шагах вправо от машины раздается вскрик... Звуки замирают. Все замирает. Мертвая тишина. И скулеж, невесть как появившийся в этом шквале огня, собаки.

С сумкой неотложной помощи бегу (перепрыгиваю эти метры с брони) на крик.

Не подводит меня, к сожалению, предчувствие. На прошлогодней мокрой жухлой траве лежит солдат. Лицом в землю. Освещаю фонариком. Да БТРД направляет фары. На спине еле заметная дырочка. Сходу ставлю диагноз.

Сквозное пулевое ранение в правую половину грудной клетки. Задето правое легкое. Пневмоторакс. Делаю обезболивающее. Тугую повязку на спину и грудь. Носилки. Матерю вокруг столпившихся. В том числе руководителя стрельбы — комбата Васю Поповича, и посредника со штаба дивизии — Нестерова, и командира полка — Сердечного.

Быстро в «санитарку». Медсанбат. Бригада хирургов на месте. Операция. Все обошлось благополучно. Несмотря на то, что пуля была от «Калаша-5,45», со смещенным центром тяжести.

Раненому повезло. Выстрел был произведен почти в упор (случайно, конечно же) и особых бед своим крутящимся-вертящимся моментом пуля не принесла. Как впоследствии выяснилось на следственном эксперименте: один солдат чуть-чуть опередил цепь «наступающих», другой солдат на чуть-чуть отстал от этой цепи. И никакой мистики... Или мистика?..

...Еще о невероятном ранении. И о невероятном везении. Случай анекдотичный: нарочно не придумашь.

Лето 1982 года. Тесницкие лагеря. Железнодорожная станция «Тесницкое». Погрузка в эшелон тыловой группы Тульского десантного полка, отправляющейся в Гороховицкие лагеря. В район предстоящих учений. В район десантирования. У меня почетная миссия: назначен старшим медиком на эти полковые учения (всего год назад, как перешел служить в медсанбат — вышестоящую организацию) и также отбываю с этим эшелоном с другими офицерами дивизии.

Личный состав, не задействованный на погрузке, отдыхает, кто как может. Спят. Гоняют футбол. Курят. Слоняются туда-сюда без дела. Повара с ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия) кормят сухарями местного привязанного к дереву небольшого бычка. С острыми рогами.

Один дотошный повар дает этому бычку покурить. Зажженную сигарету. И то ли повар растерялся, то ли бычок не знал с какого конца надо брать сигарету, но получилось точно по чеховскому «Хамелеону». Горящий уголек «бычка» (здесь: «бычок» — остаток сигареты) попадает в ноздрю настоящему бычку.

Рев раненого на корриде зверя. Оборванная веревка. Резкое движение головой. С острыми рогами...

Рев раненого на корриде тореодора. Поток крови. Руками зажата мошонка.

В медсанбате, на операционном столе констатировали: повреждена только исключительно (!!!) кожа, кожный покров мошонки. Остальные очень и очень жизненно-важные органы под этой кожей не повреждены. И даже — не задеты.

Мистика?..

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«КАПКАНЫ» НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ДОРОГЕ

Большинство современных писательских союзов в своих программных и уставных документах позиционируют себя как «профессиональные». Складывается впечатление, что они живут в какой-то виртуальной реальности. Профессии «писатель» в России уже давно нет, так же, как и профессии «кучер». Технический прогресс, знаете ли...

Прошли те времена, когда называться писателем было престижно. Но вот какой парадокс: сегодня в нашей стране насчитывается 27 писательских союзов, в которых состоит 120 тыс. членов, то есть в 12 раз больше, чем в Союзе писателей СССР.

К ним можно приплюсовать еще миллион поэтов и прозаиков, выкладывающих свои творения на порталах «Стихи.ру» и «Проза.ру». Хорошо это или плохо? Лев Аннинский считает, что плохо: «Через Интернет литература размывается в графомании, пропадает ощущение отбора и качества, пропадает ощущение литературного процесса. Интернет — как гигантский забор, на котором каждый пишет, что хочет, и все идут мимо, не вникая».

Что же заставило членов писательских союзов и интернетовских литераторов взяться за перо? И какие «капканы» ждут их на литературной дороге? Полагаю, что необходимо остановиться на этих немаловажных обстоятельствах.

Самовыражение личности проявляется по-разному. Значительная часть пишущих стремится сделать это в том числе и с помощью Художественного Слова. Они считают, что способны рассказать читателям интересные истории, что их мысли и чувства заслуживают самого пристального внимания. Однако для решения этой задачи требуется масса условий, начиная от наличия жизненного опыта и кончая уже сформировавшимся писательским мастерством. «Сеять разумное, доброе, вечное», используя литературные штампы и клише, и получить высокую «урожайность» не получится. Даже у известных современных писателей просматриваются элементы убогости в их текстах: сюжетная вторичность, «невнятность» литературных героев, ущербность стиля, неудачная конструкция изложения, неистребимая тяга к псевдоноваторству, невнимание к деталям или переизбыток их и т. д. Про эти «капканы» и начинающий, и состоявшийся писатель никогда не должны забывать.

У литераторов процветает ложное убеждение, что, находясь в «стае», легче взлететь на литературный Олимп. Но так было во времена Союза советских писателей, когда государство предоставляло поэтам, прозаикам, драматургам, критикам громад-

ные возможности не только для творчества и реализации их книг, но и для отдыха участников творческих организаций. И еще не надо забывать, что наши классики 19 века не состояли в писательских союзах, однако это не помешало им создать литературные шедевры.

Формирование писательских организаций нередко носит коммерческий характер. Бизнес — этот хребет буржуазного государства — подхватил под уздцы и Пегаса. Вот лишь одна иллюстрация. Дмитрий Кравчук в 2013 году создал Российский союз писателей, руководителем которого он и стал. На официальном сайте этой структуры не сообщается, какие книги написал Кравчук, да и написал ли что-либо вообще. Понятное дело, новая общественная организация тоже обозначила себя как «профессиональный творческий союз». В настоящее время в этом союзе более пяти тысяч членов. Как можно было прочитать за пять лет и проанализировать книги такой громадной толпы и принять авторов в союз? А «ларчик просто открывался»: заплати вступительный взнос 5 тыс. рублей и ежемесячно 200 рублей за «присутствие в рядах» — и ты человек с писательским удостоверением. (А название союза, видимо, выбрано не случайно: оно созвучно другой достаточно известной общественной организации — Союзу российских писателей). Ну а Кравчук таким незатейливым образом собрал примерно 45 миллионов рублей, потратив на удостоверения для членов и другую литературную «бижутерию» 5—10 % от полученной прибыли. Одним словом, бизнес — и ничего личного.

Безусловно, писательские союзы необходимы, но те, которыми руководят действительно талантливые и порядочные литераторы.

И еще любому писателю надо знать (чтобы не попасть в очередные «капканы») тезисы, которые, пожалуй, лучше других высказал Николай Дорошенко в статье «Литература в век индустрии слов»: «Как предостерегал нас полвека назад выдающийся философ Михаил Лифшиц, либерализм гораздо опаснее гитлеровского фашизма прежде всего потому, что он не столь же груб и прямолинеен, и, значит, его «ласковая» ненависть к человеку не провоцирует его жертву на сопротивление... В современном монополярном мире писатель, не обслуживающий интересы мирового финансового гегемона, остается предоставленным самому себе».

Редкая птица долетит до середины Днепра, редкий писатель так бескомпромиссно отстаивает свои политические убеждения, как это делает Николай Дорошенко: «Литература и культура — это и есть все человеческое в человеке. Заменяли какую-то часть литературы и культуры информационные фабрики на свой модифицированный продукт, и в нашу жизнь вошли гей-парады, сексуальное рабство и скотство, работоторговля, детская беспризорность при живых родителях, педофилия, наркомания, подростковый садизм. Дальше уступим — появится канныализм, ритуальное, как у ацтеков и карфагенян, принесение в жертву младенцев, либо, как сказал бы Гоголь, какая-то иная чертовщина».

У нас появляется все больше таких литераторов, которые, образно говоря, попали в «капкан» беспартийности в искусстве. Они отрицают любую политику в литературе, не понимая, что «даже мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, уже является политической позицией» (Джордж Оруэлл). Таким образом, даже Оруэлл, люто ненавидевший большевиков и СССР, полностью соглашается с мнением В.И.Ленина, которое вождь мирового пролетариата высказал в статье «Партийная организация и партийная литература».

У писателей-фантастов живет жгучая потребность высказаться, как они видят Будущее. На их литературном пути тоже есть «капканы», но кто из них и в какую космическую ловушку попал, увидят, скорее всего, только наши потомки.

подавляющее число поэтов, прозаиков и драматургов хотят лучше рассмотреть нашу жизнь, найти в ней «героев нашего времени», изобразить события такими, ка-

ковы они есть, отыскать правдивые факты и сохранить их для потомков. Но и тут их подстерегают разнообразные «капканы», ибо далеко не все литераторы обладают объективным «зрением». Кто-то страдает политической близорукостью, кто-то увлекается «полировкой действительности»; кто-то концентрирует свое внимание только на негативных сторонах жизни страны, человека, не способен увидеть светлые тона нашего бытия и создать литературные образы, которые поднимают дух читателя и подталкивают его к совершенству. Одним словом, все не так просто. Еще Сомерсет Моэм отмечал: «Многие хотят стать писателями... Им не следует забывать, что это чертовски трудная работа. Это творчество, а творчество не может быть легким».

Есть и такие литераторы, которые ухватились за перо в надежде получить славу. Они испытывают чувство торжества при виде собственного текста, напечатанного в газете, журнале или книге. У них присутствует «жажда выглядеть умнее, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти» (Джордж Оруэлл). Такие авторы рвутся в писательские союзы, участвуют в платных публикациях, активно занимаются рекламой своего имени всеми мыслимыми и немыслимыми способами. И здесь доходит до смешного. Один литератор (не будем называть его фамилии, так как его стихи имеют хотя бы средний уровень) написал письмо президенту страны, в котором заявил, что в истории России есть всего три гениальных поэта: Пушкин, Есенин и он. И пожаловался на местную администрацию, что чиновники этого ведомства отказываются выделить деньги на издание его книг.

Подобные литераторы не осознают, что Художественное Слово — это всегда новое знания о человеке, обществе, окружающем мире. И не просто поток информации, а знания, оформленные многоцветным эстетическим освещением.

Часть современных писателей во главу угла ставят вполне прозаическую задачу — заработать деньги. И они вынуждены писать для обывателя, художественный вкус которого уже деформирован и литературная планка потребляемого им продукта довольно низкая. Для подобного рода писателей «капкан» обозначил еще Викентий Вересаев: «...на глазах свежий росточек таланта желтеет и сохнет».

Литературные аналитики утверждают, что не все рукописи доживают до публикации, а всего лишь около 1 %. Это обстоятельство порождает ситуацию, когда писатель попадает в «капкан» отчаяния. Душевные бури безжалостно разрывают паруса надежд. Известно немало случаев, когда литераторы не могут пережить подобное состояние и добровольно уходят из жизни. Состояние апатии бывает у каждого творца. И в этом случае писатель должен взять на вооружение лозунг Эпикура: «Проживи незаметно». Но при этом не забывать и другой тезис этого философа: «Редко судьба препятствует мудрому».

Ряд наших поэтов, прозаиков, драматургов, критиков и литературоведов утверждает, что современная русская литература переживает новый расцвет. Заблуждающимся можно только посочувствовать: путеводная звезда светит и тем, кто сбился с пути. А тем, кто умышленно вводит в заблуждение общественность, необходимо напомнить, что любую ложь подстерегает капкан правды.

Почему мы перечитываем помногу раз произведения наших классиков, но нет желания хотя бы второй раз встретиться с литературными героями современных русских писателей? Для того, чтобы ответить на этот вопрос самому себе, пришлось написать эти заметки.

КОГДА ПОЭЗИЯ ЗВУЧИТ КАК КОЛОКОЛ

В России всегда находятся талантливые поэты, которые тесно связаны со своим народом. Выражая свою любовь и преданность Родине, они призывают бороться со злом в обществе и высказывают личные переживания за судьбу своего Отечества.

Лучшие образцы гражданской лирики становятся песнями, которые помогают Человеку Труда преодолевать жизненные испытания, и музыка усиливает восприятие текстов.

На одном из сайтов, где обсуждалась поэзия, один из пользователей написал: «Жизнь без гражданской лирики бледна и уныла, как без пения птиц, весенней капли и осеннего багрянца, благоухания цветов, без любви и красоты. Стихи, разумеется, не нужны всегда как хлеб, воздух, вода. Это пища, только особого рода — не для желудка, а для души. Ведь в настоящей поэзии аккумулировано добро, красота, правда». Лучше и не скажешь.

Все мы наследники Прошлого и заложники Будущего. Гражданский поэт — это глашатай общественных настроений и чувств; причем он не только заявляет о требованиях Времени, но и призывает к действию.

Литературоведы утверждают, что гражданская лирика имеет существенное влияние в свое время и переживает сравнительно быструю утрату своего значения впоследствии. Этот вывод справедлив, если рассматривать поэзию усредненного уровня, в которой преобладает публицистическая нота. Речь сильна, когда слова весомы. Мы видим немало и таких строк гражданской лирики, которые живут десятилетия. Вспомним слова из монолога Чацкого:

*Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве...*

Разве не актуальны сегодня эти грибоедовские строки, написанные двести лет назад? Ответ на этот вопрос очевиден: достаточно взглянуть, как живут абрамовичи, сечины, шуваловы...

Наши поэты-классики остро чувствовали свою ответственность перед обществом, что и отразилось в их гражданской лирике. Именно поэтому набатный голос Пушкина, Лермонтова, Некрасова слышен нам и сегодня. Не будем цитировать их стихи — они общеизвестны. Лучше обратимся к нашему времени.

Стоит посмотреть на холеных вожаков «Молодой гвардии Единой России», — и сразу же вспоминаются строки из стихотворения Евгения Евтушенко «Памяти Есенина», написанные полвека назад:

*Когда румяный комсомольский вождь
На нас,
 поэтов,
 кулаком грохочет
и хочет наши души мять, как воск,
и вылепить свое подобье хочет,
его слова, Есенин, не страшны,
но тяжело быть от этого веселым,
и мне не хочется,
 поверь,
 задрав штаны,
бежать вослед за этим комсомолом.*

Разве эти строки поэта-шестидесятника устарели?

Та катастрофа, которую пережили народы России за последнюю четверть века, рано или поздно будет отражена в романах на художественном уровне наших клас-

сиков; пока таких произведений у современных прозаиков мы не встретили. А вот поэты уже оставили блистательные по своей художественной выразительности и эмоциональному накалу пронзительные стихотворения.

Хорошие стихи гражданского звучания можно прочитать у Валентина Сорокина, Владимира Шемшученко, Валерия Хатюшина, Надежды Мирошниченко, Светланы Сырновой, Анатолия Аврутина и у немногих других известных поэтов.

Но вот какая штука: наиболее талантливую гражданскую лирику мы находим у поэтов, чьи произведения, к сожалению, не заполняют страницы литературных изданий. Одним из таких поэтов, не оцененных при жизни, является Михаил Всеволодович Анищенко.

В полной мере ощутив «прелести» жизни в новой России, Анищенко в стихотворении «Отчаяние» пишет:

*Тянет гниющей травой из лога,
Дождик косой, как сапожник, идет.
Родина горькая, словно изжога,
Мучит ночами и спать не дает.*

Проходили десятилетия, но для основной массы населения России мало что менялось. Не изменилась к лучшему и жизнь поэтов, даже выдающихся. Вот, например, отрывок из стихотворения того же Анищенко «Вот и ты живи...»:

*Не сдавайся, брат, не кисни,
Не стреляйся на плацу.
Я и сам бежал по жизни,
Словно слезы по лицу.
Я и сам плутал в тумане,
По вокзалам стыл и дроз;
И меня твои дворяне
Не пускали за порог.*

Эта же тема звучит и в его стихотворении «Круги»:

*Двадцать лет темнота над родимой землей,
Я, как дым из трубы, еще пробую высь...
Но кремнистый мой путь затянулся петлей,
И звезда со звездой навек разошлись.
Истоцилось в писаньях духовное брашно,
Я устал и остыл. Я лежу на печи.
Умирать на земле мне почти и не страшно,
И весь ужас скрывается в этом «почти»...*

А поэт Леонид Григорьян перед смертью, характеризуя новую эпоху, написал такие строки:

*Я сызмальства чужд твоему праведжу,
Мне до смерти мерзко лицо твое волчье.
Но ты остаешься. А я — ухожу.
Без тени надежды. Печально и молча.*

Гражданская поэзия обладает способностью вызывать отклик не только в сердце, но и в сознании любого человека, задумывающегося о настоящем и будущем своей Родины. Это происходит потому, что творцы своей правдой бросают власти вызов и «глаголом жгут сердца людей». Не потому ли жизнь многих русских поэтов обрывается трагически?

А вот строки из стихотворения Станислава Золотцева «К 20-летию начала смуты»:

*На что ушло двадцатилетье это? —
На стыд, на бред, на бойню, на развал.
Хозяева страны пред целым светом
устроили кровавый карнавал.

И мы стоим теперь среди обломков...
И надо нам собрать остаток сил...
Не то — позором станем для потомков.
И предки проклянут нас из могил...*

В стихотворении «Как смола ядовитая тянется» Золотцев высказывает веру в свой народ, в будущность России и тем самым пытается добавить нам душевных сил:

*... Что, душа моя, вечная странница,
Тяжко в стуже звенеть соловьем?
Все пройдет... А Россия — останется!
Ради этого мы и живем.*

В последние годы я прочитал немало откровенно слабых стихотворений Валерия Дударева. Но это обстоятельство нисколько не снижает его авторитет как поэта в моих глазах, потому что ранее он написал вот это стихотворение:

*Сгорают звезды, люди, царства...
Испепеляющий конец! —
И нет на свете государства,
В котором умер мой отец.
И словно он в сороковые
И не выигрывал войну —
Так быстро справили живые
Себе отдельную страну.
И словно не было державы,
Свалившей гордого врага.
И там, где город русской славы,
Теперь чужие берега.
И там, где время сохранило,
Могилы русских казаков,
Теперь степная правит сила
Чужих очей, чужих подков.
И там теперь чужие страны,
Где гибли русские полки,
А горстку русских ветеранов
Добьют латышские стрелки...*

Это стихотворение достойно занесения в хрестоматию «Поэзия новой России», так как в нем множество смыслов, оформленных рукой мастера.

Есть поэты, которые способны на должном уровне переосмысливать трагические парадоксы эпохи, наступившей после крушения Советского Союза. И одна из них, вне всякого сомнения, Марина Струкова, которая страстно и очень точно иллюстрирует жизнь обычных россиян:

*Пуста казна, пусты карманы,
Не отобрали лишь души...*

*А люди смотрят на экраны
И верят в оправданье лжи.*

Особое место в гражданской лирике поэтессы занимают строки, которые сразу запомнились любителям поэзии:

*В час восстания грозный, дикий,
по колено в крови гуляй,
но запомни закон великий:
Русский, в Русского не стреляй.*

Есть у нас и Николай Зиновьев, который пишет гражданскую лирику в своей, только ему присущей манере. Его пронзительные строки уже заслуженно стали широко цитируемыми. В стихотворении «В степи, покрытой пылью брэнной...» говорится о том, что в степи сидел и плакал человек, а мимо проходил Бог, который обратился к этому человеку:

*«...Я знаю много слов заветных.
Я емь твой Бог. Я все могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — Русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.*

Когда знакомишься с цифрами «Росстата» и узнаешь, что численность русских за последние восемнадцать лет сократилась на семь миллионов человек, то это стихотворение приобретает и дополнительный смысл: всем нам надо не плакать, а что-то делать с этой властью. Тем более что количество долларовых миллиардеров за последние восемнадцать лет увеличилось в 15 раз!

События в последние годы на Украине всколыхнули наше общество. Иначе и не могло быть: братский народ оказался в беде. И, естественно, наши поэты откликнулись на потрясения, выпавшие на долю украинского народа. Пустые надежды наполняются вздором. Когда стихотворение Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями...» стало гимном последнего украинского майдана, российские поэты ответили ей немалым количеством гражданской лирики. Лучшими строками было, бесспорно, стихотворение Леонида Корнилова «Ответ украинке», которое имеет такое окончание:

*И за счастье твое, украинка,
Я пойду на твою войну.
Ты нашла во мне виноватого.
Я желаю тебе добра.
Никогда ты не станешь братом мне,
Потому что ты мне — сестра.*

Таким образом, мы видим, как русская поэзия изо дня в день бьет в набат, собирая народ в годы потрясений и испытаний под знамена Правды и Справедливости.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ДОГА:

«Я очень дорожу мнением людей обо мне»

В нашей литературной гостиной новый гость. Он специально для журнала «Приокские зори», ответил на вопросы, которые ему задал член Союза журналистов России Николай Тимохин.

Это молдавский советский композитор, педагог, общественный деятель, автор музыки в общей сложности более чем к двум ста фильмам, автор произведения, которое называют самым известным в мире романтическим киновальсом из мелодрамы «Мой ласковый и нежный зверь», народный артист СССР — Евгений Дмитриевич Дога.

Николай Тимохин:

Евгений Дмитриевич! Можно смело утверждать, что Вы человек-легенда. Какие у Вас остались самые яркие воспоминания о Вашем детстве, о родителях?

Евгений Дмитриевич Дога:

Это, скорее всего, осознание того, что я не знал, что был ребенком. Я знал, что я маленький и должен слушаться старших. Родителей в первую очередь. А остальные если даже старше чуть-чуть, тоже имели право, и маленькие должны их слушаться, делать замечания, а то и наказывать шлепком за непослушание. Мне шлепки не пришлось принимать, так как четко знал, что виноват буду я и, таким образом, не нарушал порядок. А родители меня очень любили. Думаю, это не новость. Тем более, что я у них был первым долгожданным ребенком.

Они пожелались в самый разгар жесточайшего голода в начале тридцатых годов прошлого столетия, когда вряд ли кто-то думал еще и о детях, когда люди умирали, как мухи. К тому же еще пошла коллективизация и сопутствующие ей репрессии, которые коснулись и семьи моей будущей мамы. Особенно гордился мной отец. Он был бригадиром в колхозе и ездил в поле на вороном коне. Иногда приезжал в обед домой и старался посадить меня впереди себя на коня и немного прокатать, что доставляло не столько радости мне, так как я боялся малость, сколько отцу, который хвастался своим мальчиком перед встречными. Даже когда я пошел в школу, он меня подвез на своем вороном коне до самих ступеней здания под оживленные возгласы собравшихся детей и их родителей. А школа-то была всего в каких-то там нескольких сот метров от нашего дома!

Мама была со мной все время где-то до шести лет. Потом ее подолгу не было дома и я оставался с бабушкой Надей, маминой мамой, а мама уезжала за сотни километров куда глаза глядели в поисках продуктов питания, которые выменивала на свои скромные домашние вещи, чтобы прокормить нас и благодаря чему выжили. А когда приезжала с несколькими горсточками кукурузы или кусочками макухи от выжимки семян подсолнуха, вся исхудавшая, долго рассказывала бабушке о своих рискованных приключениях и тихо плакала. И, тем не менее, я всегда был чисто одет в сшитые ею коротенькие штанишки из конопляной ткани, такую же рубашку, все выглаженное, опрятное. Иногда мама брала меня с собой в сельский клуб и гордо держала меня за ручку, как со взрослым, и говорила, что это ее кавалер. А «кавалер»

этот был совсем маленький, не по годам, так как недоедание и нищета не способствовали росту.

И даже когда я поступил учиться музыке в Кишинев, я был самым маленьким среди своих сверстников. Отцу досталось радости от меня мало, потому что пошла война и он погиб почти в конце этой страшной войны. На чужбине. В Венгрии. Конечно, доставались моим родителям не только радости. Я любил что-то «мастерить», пиликать на «скрипочке» из кукурузных стеблей, стучать по сиденью венского стула, который надевал на шею и вместе со своими соседями под его звуки маршировать в ритме марша, пока не выбивал днище от этого стула, поджечь солому во дворе дома или забраться вместе мальчишками в соседский сад за яблоками или вишнями. Правда, родители никогда меня не наказывали физически, что случалось с другими мальчишками. Отец даже пальцем меня не тронул, как говорят. Мама же только прикладывала указательный палец к своей щеке и говорила: «Как тебе не стыдно, ай-ай-ай!». Не знаю я, было ли мне стыдно, но точно помню, что мне было жаль маму. Особенно когда она говорила: «А что скажут люди?!». Вот это «что скажут люди» осталась в моем сознании на всю жизнь. Я очень дорожу мнением людей обо мне, стараюсь это мнение удержать положительным и эту положительную энергию, чем могу, передавать им.

Николай Тимохин:

На протяжении всей своей творческой деятельности Вы пишете музыку в самых различных жанрах и стилях. Кроме того, Вы написали музыку в общей сложности более чем к 200 фильмам. Что Вам более всего дорого и интересно из всех жанров и почему?

Евгений Дмитриевич Дога:

Я думаю, что не жанры определяют любовь или нелюбовь к музыке, ее качество, в конечном итоге. Собственно, как и количество аккордов или супер-изоощренные технологические приемы в ней. Я испробовал почти все существующие жанры в музыке, как Вы уже упоминали, и в каждом находил что-то интересное, что давало не только хорошие результаты, но и расширяло палитру моих возможностей. Временами эти различные жанры переплетались настолько, что бывало трудно их разделить. Да и вряд ли нужно раскладывать творчество по полочкам. Это делают в аптеках.

Продукт подлинного творчества уникален. Конечно, во многом я обязан работе в кино. Там надо обладать знаниями всех жанров. Это я почувствовал уже при работе над музыкой к первому фильму «Нужен привратник» на «Молдова фильм». Там мне пришлось писать музыку в классическом жанре, эстрадную, церковную, хоровую, использовать фольклор, классику... И в то же время надо было соблюсти единый творческий почерк, не уподобляться «лоскутному одеялу». Странно мне приходится общаться с некоторыми «композиторами», которые интересуются тем, как писать музыку к фильмам. Более чем странно, потому что к фильмам, к спектаклям или к чему угодно нужно писать не только талантливо, что дается от природы, но и со знанием композиции, обладать огромным потенциалом информации по музыке, и не только, которую можно приобрести только обучаясь в консерватории. И то, это не гарантия. Надо еще и самому себя испытывать и укреплять профессиональные «тылы».

Или спрашивают, где обучают писать для кино? Телевидение представило нашу очень не простую профессию в таком виде, что кажется забавой это занятие. Пришло в голову», «написал», не зная даже нот, и абсолютно далекий от творчества продюсер берет такого поделщика в качестве «композитора» и получаем то, что довольно часто приходится слышать в современном кино. Особенно в сериалах. Это и дешевле обходится продюсеру, это нравится, как утверждает он, массам, да и хлопот меньше. Иногда уже и музыкальным дизайном не назовешь, а просто включают шумовой ге-

нератор и на протяжении целой длинной сцены он зудит. Этот грех часто присутствует на телевидении в информационных передачах, что мешает воспринимать информацию. Не говоря уже о возбужденном перевозном состоянии.

В жанре песни «Мой белый город» был удостоен звания лауреата в свое время, в жанре симфонической музыки — балет *Luceafarul* получил Государственную премию СССР, музыка к фильму «Мария Мирабела» — международную премию, как и множество других моих работ в самых различных жанрах. Качество и эмоциональная сила музыки зависит от той энергетической массы, которую вкладывает в нее ее автор, композитор. И не «три аккорда», как говорят некоторые критики, определяют силу воздействия того или иного на слушателя. Скорее всего, это та энергия, которая была заложена природой и с которой творец научился профессионально управлять. Интуиция, или «вдохновение», как многие говорят, лишь повод для творчества, который можно использовать сполна лишь высокому профессионалу.

Николай Тимохин:

В 1970 году Вы начинаете творческое сотрудничество с кинорежиссером Э. Лотяну с работы над фильмом «Лаутары». Расскажите об этом режиссере и о Ваших с ним отношениях.

Евгений Дмитриевич Дога:

Эмиль Лотяну является «отцом» многих ныне известных артистов. Это был удивительно одаренный человек. Начиная с своего творческого пути с поэзии. У него прекрасные стихи, издано множество поэтических сборников. Я вспоминаю его стихийные собрания на улицах Кишинева, где он с огромным запалом читал свои стихи, размышлял о творчестве, наставлял начинающих молодых поэтов. Хотя и сам-то был их ровесником. Он вошел в интеллектуальный мир мгновенно, ярко и мощно. Придя из Бухареста, где он жил с семьей, поразил мгновенно широтой своих знаний, особенно в области языка, манерой подачи, тематикой своих сочинений, широкой жесткостью, интонацией голоса. Да и обликом своим, необычным для Кишинева 50-х. Но через какое-то время после обучения во ВГИК-е, где он получил профессию кинорежиссера, Лотяну возвращается в Кишинев и очень успешно работает в области документального кино, которое временами и не назовешь документальным, на столько это неординарно и интересно было сделано. Его поэтический дар перешел и в кино.

Кадры из его документальных фильмов, особенно картина «Красные поляны», сотканы из поэтических образов. Я все время наблюдал за его работами и мысленно завидовал возможности работать с таким режиссером. Особенно, когда он стал снимать художественные фильмы. Правда, темы, на мой взгляд, были для меня не очень привлекательны. И вот лишь в конце 1970-го года Эмиль сообщил мне, что приступает к новой работе и предлагает писать музыку к ней. Это был проект фильма «Лаутары». Я, конечно, с радостью воспринял это предложение и началась работа. Я впервые окунулся в огромный мир народного творчества: музыка, исполнители, костюмы, танцы, различные регионы и различные исторические эпохи. В общем, целая академия. Вместе собирали материал, народных музыкантов-самородков, профессиональных исполнителей, больших знатоков народной музыки, инструменты, относящиеся к эпохе событий в фильме, профессиональные академические оркестры. Случалось, что приходилось делать заново некоторые классические партитуры, которые считались утерянными. Временами трудно уследить, где начинается фольклор и где продолжение авторской академической музыки. Для записи в Москве мы брали с собой исполнителей на народных инструментах вместе с цимбалами, наем, народной скрипкой, присоединяя к ним академический смешанный хор и симфонический оркестр. Это придавало музыке особый колорит и особую притягательность.

Почти все игровые кадры в фильме сняты под записанную заранее музыку. Это придало большую органику и достоверность снятым эпизодам, а фильму дополнительную энергетическую силу. Работа шла очень напряженно не только из-за сложности сюжета картины, но и из-за особого характера режиссера, который ничего особенного не требовал: он хотел максимальной отдачи своей творческой энергии от каждого актера, художника, осветителя, декоратора, от всех, кто мало-мальски причастен был к съемкам. Особенно напряженные отношения у Эмиля Лотяну складывались с руководством студии и комитета по кинематографии, которые измеряли качество будущей картины не по ее художественным качествам, а по деньгам. Этим своим творческим параметрам Эмиль Лотяну остался верен всю жизнь, что вызвало много недовольства и нареканий со стороны руководства, да и его коллег по ремеслу. В конце концов он вынужден был почти 20 лет простаивать и не снимать. Его шедевры, картины «ЛАУТАРЫ», «ТАБОР УХОДИТ В НЕБО», «МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ», «АННА ПАВЛОВА» — были сняты за шесть лет, а за последние двадцать лет — ни одной! С его уходом не стало великого романтика кино, большого моего творческого друга, который унес с собой в другой мир массу неосуществленных сценариев, фильмов, спектаклей, вдохновенной поэзии, нерастраченную данную природой творческую энергию.

Николай Тимохин:

Как известно, всемирную популярность получил Ваш романтический вальс из мелодрамы «Мой ласковый и нежный зверь», поставленной в 1978 году Э. Лотяну по мотивам повести А. П. Чехова «Драма на охоте». Это произведение называют самым известным в мире киновальсом. Расскажите о работе над ним. Считаете ли Вы его лучшим в Вашем творческом багаже?

Евгений Дмитриевич Дога:

Приступил я к работе не сразу. После огромного успеха и большого резонанса фильма «Табор уходит в небо» на студии «Мосфильм» упорно сопротивлялись над утверждением моей кандидатуры в качестве композитора будущей картины «Мой ласковый и нежный зверь». Да, говорили в редакции студии, особенно в парторганизации, «Табор...» — это картина о цыганах, а молдаване, что цыгане, там ему было просто писать, а это ведь ЧЕХОВ! Русская классика! И лишь благодаря настойчивости Эмиля Лотяну, которую он всегда проявлял в защиту своих кандидатур, меня, наконец, утвердили.

В начале 1976 года мы с Эмилем детально обсуждали сценарий и роль музыки в будущей картине. И первую сцену, которую предстояло снимать надо было снимать под музыку. Я предложил Эмилю подыскать чего-нибудь относящееся к эпохе действия в картине в фонотеке радио. Стал интересоваться у своих друзей на радио. Ничего не предложили. Пошел в музей им. М. Глинки. Там-то же ничего не нашел. У меломанов спрашивал — и то же безрезультатно. Тогда я предложил Лотяну написать ВАЛЬС. Он легко согласился и на этом расстались. Почти на полгода. В начале лета после полуночи в мой гостиничный номер врывается Лотяну и уже с порога громко, требовательно и претенциозно произносит: Вальс! Я быстро спрятал то, что было у меня на пульте фортепиано и в растерянности стал соображать, о чем идет речь. Я даже забыл об обещанном Вальсе. А Эмиль почти прижал меня к фортепиано и ждал исполнения нужного ему Вальса. Я стал что-то тренькать, то одно, то другое, что, в конечном счете, привело в ярость режиссера и он сообщает, что на завтра заказана смена записи с оркестром, хором и послезавтра предстоит первая съемка будущей картины. Я в ужасе сыграл буквально три-четыре ноты, подобранные на маленьком клочке нотной бумаги, когда-то записанные мной, от чего Лотяну загорелся, оживился и не отстал от меня пока я не симпровизировал ВАЛЬС до конца. Режиссер, не

говоря ничего, вышел шумно из комнаты и лишь напомнил, что утром партитуру надо сдать в оркестр для переписки к вечерней записи.

Для раздумий времени не оставалось. Партитура получилась очень скромная, без громких медных инструментов, без большого давления ударных, почти камерная. Ноты были сданы вовремя, а вечером, когда оркестр сыграл музыку, стал стучать смычками по пюпитрам в знак одобрения. В начале, я думал, что это розыгрыш, но редактор фильма и многие участники съемочной группы, которые присутствовали при записи, стали говорить очень похвальные слова в адрес этой музыки, даже о ее, якобы, большом будущем.

И действительно, вспоминаю длинную очередь у музыкального магазина на Садовом Кольце в Москве за виниловыми пластинками с музыкой из фильма «Мой ласковый и нежный зверь», где звучала эта музыка сцены свадьбы юной Оленьки Скворцовой и старого барина Урбенина.

Этой музыке, как и многим людям, привалило счастье и уже редко какая-нибудь свадьба обходится без этого вальса, будь-то в России или далеко за ее пределами. Она звучит и на школьных праздниках, и на спортивных аренах, да и просто где-нибудь в подземном переходе. Как-то спросили одного такого музыканта, почему он играет эту музыку, а тот сказал, что за нее больше платят.

Николай Тимохин:

Начиная с 1972 года, Вы выступали с концертами и творческими вечерами во многих городах бывшего СССР, а также в Польше, Чехии, Болгарии, Китае, Никарагуа, Кубе, Таиланде, Румынии, Сербии, Швейцарии, Португалии, Аргентине. Как Вас встречали за рубежом? Какая поездка из всех Вам, может быть, особенно запомнилась и почему?

Евгений Дмитриевич Дога:

Больше всего мне запомнилась поездка на тракторе в один небольшой хуторок из пяти домиков в заболоченной тайге. Была глубокая осень, дожди, непроходимые болота. Мои коллеги из группы композиторов остались в областном центре, а я решил со своими исполнителями поехать «в глубинку». Мне, говорили, что туда и птицы не залетают, не то чтобы поехать. Тогда я попросил трактор, прицеп и пианино. Все погрузили, певицы устроились с трактористом в кабине, а я с баритоном в кузове рядом с инструментом. Целый день мы ковыляли по, казалось, непроходимым так называемым дорогам и, наконец, оказались в руках каких-то мужиков в резиновых, выше колен, сапогах, которые нас занесли в хорошо натопленную избу. А там, на лавках вдоль деревянных стен, уже сидели и ждали нас неполный десяток местных обитателей этого хуторка. «Как в Кремле,— говорю я своим артистам.— Быть при полном параде, в концертных костюмах».

Люди затаенно слушали, а когда программа закончилась, ко мне подошла с натруженными мозолистыми руками женщина, опустила на колени, целовала мои руки и причитала: «Я всю жизнь прожила в труде и даже не предполагала, что такое есть».

Я выступал в лучших концертных залах России и за ее рубежами. Мало помню детали, тем более лица слушателей, а вот эти девять человек на лавочках вдоль стен таежной избышки, как будто вижу до сих пор. За рубежом принимают не столько меня, сколько мою музыку. Я лишь ее приложение. Принимают очень хорошо. Уже стало нормой, что зал встает и аплодирует. Так было и в ШОН БРЮНЕ в Вене, и в зале консерватории в Брюсселе, и в Анкаре в Турции или в Клузе, или Бухаресте в Румынии. Ну а в Кремлевском концертном зале уже и не говорю. Это уже свои, тоже стоя аплодируют. Думаю, что публика везде умеет чувствовать хорошую и плохую музыку. Я рад, что эта публика еще не разочаровалась в ней, поэтому я стараюсь как можно уважительнее относиться к своим почитателям.

Николай Тимохин:

Вы написали много полюбившихся песен, которые исполняли известные певцы советского времени. Но я до сих пор помню мною любимую песню «Мой белый город» в исполнении С. Ротару. А какому городу посвящена эта песня? И какой город у Вас самый любимый?

Евгений Дмитриевич Дога:

Эта песня была написана по настоянию ЦК Партии Молдавии. Снимался фильм о Кишиневе. На сдаче фильма присутствовал, как всегда в то время, и представитель партии. Вот тогда и была подсказана мысль, чтобы не только музыка сопровождала фильм, но была бы и песня об этом городе, столице Кишиневе. Хотя слова в сценарии были напечатаны, я песню не написал, а написал много другой сопровождающей фильм музыки. И все-таки администрация ТЕЛЕРАДИО настояла и обязала меня такую песню написать. Я, чтобы оправдаться, стал ссылаться на плохие стихи, на которые писать музыку невозможно. К тому же, я должен был улететь в Москву для записи музыки к очередному фильму.

Ан нет, режиссер Г. Водэ узнал о моем внезапном отъезде и на утро, когда я еще спал, ткнул мне под нос машинописным листом с новыми стихами. Я в полусне повернулся к пианино, которое было рядом с моей кроватью, и стал играть песню по этим стихам, как будто я ее всю жизнь играл. Малость даже испугался, не прихватил ли я чего-то чужое. Сидящие за мной режиссер и либреттист запрыгали от радости, думаю, что не столько из-за песни, сколько из-за того, что им не придется получать санкции от руководства студии.

А когда песня была готова, настала проблема исполнителя. Тому же Г. Водэ вспомнилась девушка из Черновиц, которая прекрасно поет румынские романсы. Мы с трудом ее нашли, еще труднее убедили спеть, и записали. Помню, как поздно вечером мы пришли после записи ко мне домой и София Ротару, тогда еще так звучала ее фамилия, сидя на кушетке, плакала от нахлынувших ее эмоций. А дальше пошли ТВ передачи, радио, печать, международный конкурс «Золотой Орфей» в Болгарии, и благодаря прекрасному сочетанию мелодии и великолепного голоса никому не известной певицы, песня пришлась к сердцу миллионам слушателей в то время. Да и сегодня она является гимном Кишинева, хотя слова «Кишинев» в ней нет и не могло быть по моему сопротивлению от нажима ЦК.

Это белый город, который есть в памяти каждого из нас, где бы он не находился и в каком городе не родился. Это город-мечта. Белый, как белая птица. Поэтому его воспринимают все, как песня об их городе, песня для них.

А городами, любимыми для меня, становятся те, в которых я нахожу себя, в которых живут близкие мне люди, в которых звучит моя музыка или в которых я работаю.

Николай Тимохин:

Кроме того, что Вы автор произведений для детей, Вы также писали музыку для открытия и церемонии закрытия Олимпиады 1980 года в Москве, церемонии открытия Олимпиады 2014 года в Сочи. А как Вы относитесь к спорту вообще? Есть ли любимые виды? Любите ли Вы футбол?

Евгений Дмитриевич Дога:

В свое время, будучи студентом, я увлекался пулевой стрельбой. Готовили меня даже в мастера спорта. Но музыка поглотила мои занятия стрельбой. Потом долгое время я ездил на мотоцикле, мотороллере, на машине. Терпеть не мог, когда передо мной был какой-нибудь автомобиль. Я обязательно его обгонял. Однажды я опаздывал на встречу в Тирасполь, что в 70 км. от Кишинева. Милиция так и не догнала меня за превышение скорости. Не знаю, насколько это можно назвать спортом, но это пружинило мою волю, характер своего рода.

Заниматься однообразными упражнениями каждый день мне не нравится. Мне хочется каждый раз чего-то нового. Любил ходить на стадион, что был рядом с нашим общежитием, смотреть тренировки футболистов или даже на их матчи. Но это тоже скоро мне надоело. Хотя элементарные физические упражнения я стараюсь делать по утрам. Особенно в первый период после посещения врачей. Я рад тому, что с моей музыкой связана карьера многих спортсменов во всем мире. И те две Олимпиады, которые проводились в России, открывались и закрывались под мою музыку.

Я уже более 20-ти лет являюсь председателем жюри музыкального конкурса «Одаренные дети России», более 10-ти лет — движения «Ветераны войн и труда и их потомки в Москве», участвовал во многих творческих состязаниях в России и за ее рубежами в качестве председателя или простого члена творческого жюри в музыкальных и кинематографических конкурсах и фестивалях. Это дает мне возможностьзнакомиться с современной эстрадой, быть свидетелем обретения радости старыми ветеранами и их потомками, внуками при выходе на сцену. Это придает им силу и новую энергию, продлевает им активную жизнь, а юным их внукам радость творчества и приобретения собственного достоинства.

Я всю жизнь выступаю с концертами. Особенно мне нравятся концерты на открытом воздухе, куда приходят все, которые желают, а не те которые могут. Их собираются тысячами, и ты их частица. Это великое счастье. В дальнейшем у меня еще много не охваченных точек, которые я должен посетить с концертами, с творческими встречами. Это, в основном, другие открывающиеся для меня континенты. Конечно, я уношу туда свою музыку, частицу себя, частицу своей Родины, куда я всегда с радостью возвращаюсь и по которой каждый раз скучаю. Ведь она меня породила, и чему я ей благодарен и бесконечно обязан. Как перед матерью.

Николай Тимохин:

Евгений Дмитриевич! Спасибо Вам за интересное интервью. Удачи Вам и новых творческих побед!

Семипалатинск — Москва — Брюссель, осень, 2018

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

**ОКИ-ДОКИ:
МУРМАНСК — СЕВЕРОМОРСК — АМДЕРМА**

Ефим Гаммер — член редколлегии журналов «Литературный Иерусалим» и «Приокские зори», автор 25 книг, лауреат Бунинской и других премий, печатается в журналах России, Израйля, США, Франции, Канады, Германии, Австрии.

1

Амдерма... Амдерма...

Что за городок такой расчудесный? Для тех, кто, собираясь в Израиль, подпольно изучает иврит, в его названии таится приманка для лингвистического ума. Явственно чувствуется: оно ветхозаветных корней, в особенности при разделении на слоги. Отсюда и мысль богатая: Амдерма заложена древними евреями, теми, кто исчез со страниц Библии после Вавилонского пленения. А сколько их было? О-го-го! Сотни тысяч, по доисторической переписи населения.

И впрямь, десять пропавших колен Израилевых — не шутка. Не на летающих тарелках ведь их утащили на небо — к лучшей жизни. Расселились где-то по матушке-Земле. Живут и размножаются, плодят себе подобных. На разных участках суши и моря. Тут и вопрос наклеивается: почему бы им на заре цивилизации, тем более, что она называется иудео-христианской, не вырулить к Северному сиянию? Согласитесь, мастерить себе подобных гораздо вольготнее здесь. За Полярным кругом ночь долгая, протяженностью в полгода ночь, что способствует столь полезному и приятному занятию.

Не верится в эти догадки? Не наукообразны? А все же попробуем открыть рот, и по складам, по складам, как по кочкам: «Ам-дер-ма». Теперь — давай не ленись! — переквалифицируйся в полиглоты. Напрягаем мозги и принимаемся за язык Соломона мудрого.

«Ам» в переводе на русский — «народ». Конечно «ма» при расшифровке с иврита дает извечное — «что?» «Дер»? На идише подчеркивает принадлежность к чему-то. Это четко прослеживается в прозвищах и кличках местечковых евреев. «Авремеле дер математик» (Математик Авремеле), «Ошер дер глезер» (Стекольщик Ошер), «Шмуел дер гелэр» (Рыжий Шмуел).

В конечном итоге у нас вырисовывается, что иврит в тесном контакте с разговорным бабушкиным идишем демонстрирует нам, что «Ам-дер-ма» при умелом подходе к этимологии слова представляет собой... Что? Правильно: «Народ — загадка». Либо — «Что за народ?»

Доходит? Не на все сто? Принимаю возражения. Но, попутно приняв и недостатки сто грамм на посошок, допускаю, что все было бы намного проще, кабы вместо «Амдерма» на путевом знаке — визитке города — читалось: «Амдерман». Тогда

автоматически устранялись бы наши домыслы, а взамен набегало на скоростях: «Шнейдерман, Цедерман, Гиндербург, Зандерберг и примкнувший к ним Рабинович». В такой благоприятной ситуации, признаю, только слепому не различить, что катишь в родные Палестины. В особенности, если еще раз вспомнить об иврите и прочитав название города справа налево, и опять по слогам.

Ам-дер-ма в этом случае преобразуется в Ам-ред-ма.

«Ам», как мы уже договорились, «народ». «Ред» — повелительная форма ивритского глагола. За сим он и глаголит по-русски — «сойди, спустись!». На иврите назойливым людям — «нудникам», доставалам по-русски, обычно так и говорят: «Ред ми мейни» — «Сойди с меня!», либо — «Спустишь с меня!». Последний слог — перевернутый первый. Ивритское «ма», оно же русское «что». На месте слова «народ» в перевернутом его состоянии находим снова загадку в виде пресловутого — «что». Ну, а где же загадка? Не в перестановке ли слов? Переставим и у нас получится: «народ, что спустился». И тут набегают внезапная ясность. Тех, кто покидает Святую землю, так и называют — «йордим ми Исраэль» — «спустившиеся с Израиля». Неужели, действительно, наши предки из какого-то потерянного колена Израилева добрались до Карского моря? Могло такое быть? Вполне возможно. Остается только найти доказательства. А где их искать? Разумеется, не на рижском взморье. За полярным кругом? Что ж, не велика беда: за разгадками ходили и далече. Пржевальский в Центральную Азию, Арсеньев в Уссурийский край, Миклухо-Маклай в Новую Гвинею.

Кинемся и мы в путешествие. Все же теперь, когда на дворе год 1970-й, двигать не на своих двоих, а культурненько, с удобствами,— на «тушке» по воздуху, да на танкере по воде.

Но прежде чем вязать морские узлы до Амдермы, следует запастись билетами на воздушный лайнер и махнуть в Мурманск, где на рейде, в ожидании сменного экипажа, стоит танкер «Юрмала». Но еще раньше предстоит навеститься в библиотеку, чтобы кое-что полезное о граде арктическом выведать.

Я позвонил своей надежной до потери пульса Галке Волошиной и попросил ее смотаться в библиотеку и выкопать там какие-либо сведения об Амдерме.

— Лично мне некогда,— пояснил я.— Мне командировку оформлять.

— А командировочные — «до» или «после»?

— Уже! И винчик купил — «сухарик» по кличке «Каберне».

Надежная Галка Волошина нашла в студенческом заглавнике томик Евгения Евтушенко. И доставила ко мне домой — ул. Янки Купалы, 5.

— В одном из его туристических стихов,— сказала,— упоминается Амдерма.

— В каком?

— А вот в том, где наш автор клюкал тройной одеколон. Читаем?

— Читаем!

И прочли. Вслух. На два голоса.

*Мы сто белух уже забили,
Цивилизацию забыли,
Махрою легкие сожгли...
Но, порт завидев, грудь навывкат,
Друг другу начали мы «выкаты»,
И с благородной целью вытить
Со ихуны в Амдерме сошли...*

— Подумаешь, невидаль,— промямлил я, когда поэтическая речь вывела к популярному у алкашей аптечному напитку.— Тройной одеколон и в Риге можно лакать.

Мое ревнивое замечание вполне объяснимо. Кому из поэтов эпохи развитого социализма хотелось, чтобы на подушке, рядом с изголовьем любимой девушки «красовался» вместо него Евтушенко?

2

Чем плохи советские телефоны?
Тем, что звонят в неурочное время.
А несоветские?

У них та же беда. Но они — импортные. Их звонки устроены таким образом, что в них слышится нечто многообещающее: приглашение на выставку, на просмотр заграничного фильма, на презентацию — с попутным выпивоном в баре-ресторане.

Мой телефон был советский, но звонок в него был вмонтирован импортный.

Мне и «послышалось». Но приглашения не последовало. Звонил Ливик Генделист, по уважительным официальным бумагам — Лив Альбертович, судовой кок и «лично мой» внештатный корреспондент, с которым предстояло лететь в Мурманск, где на рейде стоял танкер «Юрмала».

Назван парень был с претензией на родство с древними ливами.

Для справки: «Земля ливов» — Ливония (лат. Livonia, нем. Livland) — это часть восточной Прибалтики. Захвачена немецкими рыцарями-крестоносцами. Окрещена ими же по аналогии с одним из живущих на территории Латвии и Эстонии, с тринадцатого по пятнадцатый век, финно-угорским племенем.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов, может быть, в знак «тихого» протеста против очередной потери независимости, название племени перекочевало в метрику новорожденных прибалтов, превратилось в собственное имя — Лив. Являлось оно и довольно редкой фамилией, тщательно оберегаемой и переходящей из поколения в поколение без изменений или прибавки латышского суффикса — «ис». К слову, один из фотокоров нашей редакции, Гунар, и носил такую достопримечательную фамилию — Ливен.

Но вернемся к телефонному звонку.

— У меня для тебя есть информация — пальчики оближешь,— сказал мой приятель, внештатный корреспондент и судовой кок по совместительству.

Ливик Генделист всегда говорил на «журналистском уровне». И всегда, при встрече либо по телефону, стремился «пробиться» на страницы легендарного «Латвийского моряка». Он обладал редким даром «засветиться» там, где меньше всего его ожидали увидеть.

— Когда я в 1969-ом был в Каннах на внеконкурсном показе «Андрея Рублева»,— говорил Ливик с выраженьем на лице,— мы так быстро разгрузились, что даже не успели посмотреть картину. И очень об этом потом сожалели. Пришлепали домой, а дома, оказывается, она еще на экран не вышла.

— Почему же, Ливик? — возражал я.— Это на широкий экран она не вышла. А тишком ее показывали во Дворце культуры завода ВЭФ и у нас в Интерклубе.

— Оки-доки, «показывали»! Но для кого? Для избранных?

— Для оповещенных...

— Смотрел?

— Оба раза.

— Кинчик стоит того?

— Стоит.

— А нам его покажут?

— Когда у тебя следующая ходка в Канны?

— Месяца через два...

— Вот как раз и поспеешь к началу сеанса. Там...

— Спасибочки — раз-цвай-драй! Может быть, ты мне и валюты на просмотр кинчика подсыплешь?

— Держи карман шире!

Больше всего в жизни Ливик любил сочинять стихи, особенно под гитару, чтобы быть похожим на Пушкина и заодно не отстать от Высоцкого. Аккорд — слово за слово — строчка. Скоропись воодушевляла его и благотворно влияла на зрение, когда он смотрелся в зеркало и видел там Александра Сергеевича. С ним, несмотря на явную блондинистость, был схож по комплекции и волнистой шевелюре, да и в росточке не отстал от классика — куда уже меньше? — 158 сантиметров. При удобном случае он мог заметить: «Я поэт и бард с двойной композиторской фамилией». На самом деле, его фамилия была никакая не двойная, ординарная латышская фамилия немецко-еврейского корня — Генделис. Однако плодовитый на выдумки Ливик припарковал к хитрому лисьему окончанию букву «т», и приобрел превосходный фирменный знак — Генделист, с которым хоть в Союз композиторов вступай. Но вместо музыкального училища он поступил в ШМО — школу мореходного обучения, освоил специальность моториста и вышел в море. Правда, в море предпочел машинному маслу — сливочное, и переквалифицировался в повара.

«Я кок — индии-виду-алист! Оки-доки! — говорил он о себе. — Мое призвание — персональные блюда. Такие, что пальчики оближешь!»

Готовить надо было на всех, и в большом количестве. Так что поварские таланты не очень-то раскрывались, и приходилось больше полагаться на журналистское перо, чем на поварешку, чтобы прославиться в экипаже. Вот и сейчас, прослышав о совместном полете в Мурманск и рейде в Амдерму, Ливик Генделист решил порадовать меня по телефону наброском забойного репортажа, импровизацией в стиле путевого дневника.

— Так и пишем, прямо на первую полосу: «От нашего специального корреспондента».

— Что пишем, Ливик?

— Самолет стремительно разбежался по взлетной полосе и, подогнув по-птичьи тонкие ноги, на авиационном языке — «шасси», поднялся в бескрайний небесный океан. «Оки-доки!» — сказал командир воздушного лайнера и взял штурвал на себя.

— Стоп! Стоп, Ливик! — занервничал я, видя, что Галка грозит мне из-под одеяла кулаком. — Не торопись взлетать. И не заставляй командира лайнера говорить твоими словами. Я тут босыми ногами стою на полу.

— Надень тапочки.

— Тапочки в другой раз.

— Подожди, подожди. Тут у меня и географическая сноска есть.

— Лучше узнай, что означает слово «Амдерма».

— За нами не заржавеет. Распознаем. А пока послушай, что я надыбил из истории Амдермы. Можно дать подверсткой к репортажу, послушай! «Амдерма основана в 1933 году. Представляет собой поселок городского типа, возникший в ту пору, когда началось строительство рудника по добыче плавикового шпата. Поселок расположен на побережье Карского моря — северная граница Полярного Урала, у хребта Пай-Хой. До Воркуты по прямой — 350 километров, до Нарьян-Мара — 490, до Архангельска — 1260, если шлепать морским путем. По воздуху короче — 1070».

— А на оленях?

— Не понял.

— На оленях — ближе.

Из-под теплого одеяла, понятно, человека никуда не выманишь, особенно, ближе к ночи. Разве что — за не менее теплым, чем одеяло, пальто. Мне пылить в Мурманск, а верхняя одежда — всего лишь название на рыбьем меху. Мой демисезонный плащ, вполне подходящий для дождливой Прибалтики, тотчас при упоминании о Заполярье, смущенно «затерялся» в платяном шкафу.

Какая погода в морозном краю, я не знал. Но мне было ведомо: обезопасить себя от температурных сюрпризов необходимо. Отсюда и потребность в пальто. Но не с вешалки же его снимать, если его там нет. А с кого? Разумеется, с брата моего Бори. Он хоть и моложе меня на четыре года, но по росту и объему сощнакоплений превзошел на несколько выигрышных сантиметров. Поэтому его пальто годилось и мне. А в Мурманске оно будет гораздо полезнее для организма, чем в Риге, где ходить можно и без него.

Шаг — направо, шаг — налево, топ-топ-топ, и я уже на набережной Даугавы, в прогреваемом алкогольными градусами Интерклубе моряков заграничавания.

Слово — туда, слово — сюда, бла-бла-бла, и «гардеробный» номерок на серое в клетку пальто перекочевал ко мне в карман.

Дальше — «джем-сейшн» — импровизационный джаз-концерт американских моряков в купе с нашими «подпольными» звездами свинга.

Среди рижан — звездой первой величины в ту пору как раз и был мой брат Боря Гаммер, на газетном сленге «кудесник саксофона». Его ансамбль «Комбо» гремел в Риге, и каждый исполнитель слыл истинным виртуозом. Это Майрум Аронес, муж моей сестры Сильвы, — бас гитара, Юра Смирнов — фоно, Владимир Банных — контрабас, Валерий Гарфункель — труба, Владимир Болдырев — ударные, певец — Анатолий Могилевский.

В Интерклубе, сбоку от зала, где куролесил «джем-сейшн», в двух небольших комнатах располагалась редакция «Латвийского моряка». Здесь, если позволительно так сказать, «активно днєвали и ночевали наши плодovитые первые перья». Кто — за пишущей машинкой, кто — за столом для пинг-понга, а кто — и за стойкой в баре.

Время, назад! Имена — на поверку!

Редактор газеты Яков Мотель, его заместитель Эдуард Лapidус. Дальше — старейшина журналистского цеха Юпитер Езусенко, выпускница сценарного отделения ВГИКа Людмила Нукневич и ее неразлучная подруга, знаток английского языка Кларисса Перельмутер, литсотрудники Ефим Гаммер, Кармелла Медалье, Сергей Ясон, Светлана Расолько, фотокоры Гунар Ливен, Григорий Илугдин, художник Виктор Лурин, машинистка Лариса Молчадская. И примкнувший к ним Ливик Генделист, помнивший, что сорок процентов газетных материалов должны быть — авторские, а шестьдесят — внештатных корреспондентов, значит, и ему открыта дорога к печатному станку.

Ливик — надо же такому случиться! — прослышав о «джем-сейшне», приволокся в Интерклуб вместе с неразлучницей-гитарой и экстренно сочиненной, будто бы по уговору со мной, песней «блюзового характера». Но эта песня, рожденная вдали от Нью-Орлеана, вряд ли сошлась бы «характером» со своей американской соперницей. Ведь мы только «в области балета впереди планеты всей». С вокалом похуже. Вот и пришлось, во имя спокойствия, чтобы не дошло до выяснения творческих отношений, затолкать подвыпившего для храбрости Ливика в редакционный кабинет, взять в буфете пару пива и пояснить:

— Когда на сцене дядя Сэм, то в первых рядах слухачи-стукачи. Из подотряда искусствоведов в штатском. Повремени со своей музыкой. Янки-дудл схиляют, тогда и солируй.

— А я сейчас хочу. У меня — с пылу, с жару. Душа горит!
— Охладись пивком. И заводи пластинку. Но втихую, чтобы джазмены не услышали. А то выгонят.
— Что за фигня? Я телепатическое пение еще не освоил,— почти обиделся Ливик, но желание продемонстрировать изделие собственного голоса пересилило. Хлебнул из горлышка, плюнул на огорчение и театрально вывел:
— Оки-доки! Музыка Генделя и Листа, слова телефонные, твои, но в моей термитной обработке, исполнение тоже мое. Исполнять?
— Только вполголоса.
— Раз-цвай-драй! — Ливик мягко провел пальцами по струнам, призывая к вниманию. И налег на речитатив, не мешая фирмачам за стенкой:

*Самолетом — далеко,
на оленях — ближе.
В санях дышится легко,
тем, кто дышит.*

*Мне не нужен паровоз
и купе-плацкарта.
Еду-еду сквозь мороз
в май-июнь из марта.*

*Еду-еду за Урал
я к такому месту,
где Хор-Хай мне обещал
подарить невесту.*

*Еду, молод, утром-днем,
И в ночных потемках.
А доеду стариком
До любимой тетки.*

— Ваше слово, товарищ Маузер? — выдал вопросительную интонацию Ливик Генделист.

— Текст одобряем,— произнес я с характерным для Отца народов акцентом.

— На первую полосу?

— Э, нет! — переключился я на картавость, подражая знаменитому Щукину из фильма «Ленин в Октябре». — Архисложно давать на первую полосу вашу рифмованную галиматью, голубчик. Буржуазия не поймет, а народ не простит, скажет: верхи не могут, а низы не хотят. Вот если прибавить про соцобязательства, взятые к столетию Ильича, тогда и обернется ваш текст необходимой для передовой «газетной» правдой.

— Товарищ Маузер, а нельзя ли по существу, без «газетной» правды?

— Можно. «Правды» нет, «Труд» стоит две копейки,— подкинул я обиходную шутку.— «Советскую Россию» продали, остался «Латвийский моряк», да и он у нас сегодня для гостей редакции бесплатно.

— В этом случае я двину в зал, к братану твоему... Исполню...

— Больше налегай на Генделя. Но не забудь, от тебя еще требуется срочное распознавание слова «Амдерма».

— Распознаем.

— Хорошо, тогда подкинь мне свой рукотворный текст. Я сейчас отшлепаю его на машинке. И оставлю Якову Семеновичу Мотелю — на прочтение. Авось и ему покажется с утра, что на оленях ближе.

— Ему не покажется,— пробурчал Ливик Генделист.— У него с утра похмелюги не бывает.

— Согласен, снегом он только на войне закусывал. Но я тут сделаю пометку, что этот стишок просится для колорита в подверстку к моим арктическим репортажам, которые буду гнать по радию с судна. Глядишь, и посоавторствуем.

— Пока что мы с тобой соавторствуем лишь по части выпивки, тебе половина и мне половина.— Ливик опорожнил бутылку и упрятал ее в нижний ящик стола.— Двенадцать копеек на черный день.

— Ничего ты, Ливик, не понимаешь.

— А что?

— Этот стишок Мотель, по всей видимости, как раз и напечатает. Есть в нем такой момент, о каком ты и не догадываешься.

— Оки-доки! Получается, я сам не знаю, что сочинил.

— А если знаешь, то объясни, откуда у тебя взялся «Хор-Хай»?

— Да из книжки об Амдерме! Написано — находится она на восточных склонах хребта Пай-Хой. А самое древнее поселение там — Хор-Хай. Заложено в таком допотопном году от сотворения мира, что не упомнишь.

— Ливик! Кем заложено?

— Кем надо, теми и заложено. Что я тебе — комсомолец на допросе? Пристал!

— А ты хоть усек, что значит «Хор-Хай»?

— «Хор» и по-русски — хор.

— На древнееврейском — дыра. «Хай» — живая. Получается, поселок твой называется — Живая дыра. Звучит очень симптоматично, если подумать о приросте народонаселения.

— Раз-цвай-драй! Язык — того... под запретом. Откуда свинтил информбляшку?

— От Файвиша Львович Аронеса. Это отец Майрума, мужа моей сестры Сильвы.

— Бас-гитариста?

— Да... Папа его был знаменитый еврейский актер. Играл в Харькове, Минске, Биробиджане, снимался в фильме «Граница», переводил Маршака на идиш, писал книги. Пока не посадили. Когда? В конце сороковых. После убийства Михоэlsa. Сейчас пенсионер. От него и набрался словечек разных. Все-таки язык, на котором Соломон Мудрый говорил.

— А не боишься разоблачаться?

— Перед тобой — нет. Ты же сам запретный язык закамouflировал под родную мову. Стихи на нем слагаешь, как наш классик царь Давид — псалмопевец.

— Положим, не на нем. А что? Думаешь, Мотель клюнет на «Хор-хай» и напечатает?

— Еврей! Когда распознал, что среди 26 бакинских комиссаров чуть ли не треть евреи, тут же, под какой-то юбилей — кажется, пятьдесят лет с расстрела — дал о них разворот. С фотографиями, фамилиями, и с неблагозвучными именами-отчествами. Перепечатал из «Моряка Каспия». И твой «Хор-хай», помяни мое слово, даст.

(Продолжение следует)

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

**ФЕНОМЕН ЖИЗНИ И ЛЮБВИ В КНИГЕ
АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «ЖЕНЩИНА В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ»***

*Любовь или страсть нас давно не кидают друг к другу.
В больших городах поселилась тоска отчужденья...*

<...>

*И все, что покажет мгновенье в искусственном свете,—
На солнечный мир изначальный земли не похоже...
Чтобы не заболеть, нам необходимо начать любить.*

З. Фрейд

Много людей живут, не живя, но только собираясь жить.

В. Г. Белинский

Хорошая литература в любое время — это прежде всего текст, написанный личностью. Именно такой разносторонней личностью и является Алексей Афанасьевич Яшин — самобытный писатель-прозаик, лауреат многих всероссийских и международных литературных премий, главный редактор литературно-художественного и публицистического Ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», которому совсем недавно исполнилось 15 лет, по нынешним временам, когда заниматься «толстыми журналами» стало крайне сложно,— срок не такой уж и малый. Не счесть его регалий, обозначим лишь самые значимые: заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды доктор: технических наук и биологических наук, дважды профессор Тульского государственного университета: по кафедре ЭВМ, по специализации «Медицинские приборы и системы». Награжден медалями А. Нобеля, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, кавалер орденов «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Поддерживает прозаик тесную связь и с братской Беларусью, будучи членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Алексей Яшин — писатель социальный, глубоко психологичный, поднимающий исторические вопросы, уходящие своими корнями в национальную русскую почву, животрепещущие вопросы нашей жизни, требующие сохранения отечественной культурной памяти, осмысления дня сегодняшнего.

Нужно сказать, что и литература, как вид художественного творчества, по своей природе и функциям — явление социальное. И автор представляет нам эту социальную откровенную прозу, талантливо высвечивая многослойный срез современности. Хорошая литература создает хороший текст, который тем и хорош, что его нельзя повторить. Произведения Алексея Афанасьевича очень часто объемны, а всякая объемная проза непроизвольно стремится к романному статусу: будь то повесть или такая малая форма как рассказ, которые по развитию своего сюжета смело могли бы у него стать романами. К примеру, повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, весьма любопытно касаясь и роли А. И. Солженицына «в уничтожении его же бывшей родины». Этот «вермонтский отшельник» стал парадоксальным сосредоточением всей литературы 90-х годов

* Алексей Яшин. Женщина в человеянике: Роман одного дня (Предисл. Л. В. Ханбекова): Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электрон. форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

ушедшего века. А. Яшин объективно разбирается в столь запутанном феномене, где правда и художественный талант, а где явное сочинительство и катастрофическое преувеличение вознесенного на пьедестал масштабного писателя. А в рассказе «Враг народа и себе враг» — поколение «шестидесятников» с его ценностями истинного выбора, с уникальным явлением и характерной чертой советского человека того периода — «толстыми литературными журналами», активными двигателями литературного процесса, этими достоверными свидетелями эпохи с ее крепкими моральными устоями не только в литературе, но и в жизни. И патристический рассказ «Последний граф Империи» — пронзительное повествование о верности долгу, чести и совести, о бескорыстной любви к Отечеству и народу в роковые для него моменты духовных и физических испытаний. Приближает к пониманию веры и последних дней жизни всемирного русского гения философско-религиозный очерк «Последний евангелист христианской эры», что был создан автором к юбилею Л. Н. Толстого, в котором открывается свое моральное Евангелие великого писателя-моралиста, его Христовая мораль, соединенная в Четвероевангелие.

Сегодня в новой прозе третьего тысячелетия происходят неизбежные мутации романного жанра, когда роман не имеет строго раз и навсегда установленного канона. Сам его жанр неуловим, он находится в постоянном контакте с меняющимся миром. Но в то же время роман остается сам собой, и роман меняется. Faktion — сплав, соединение вымышленного с фактографическим подтверждением. Так у А. Яшина в романе «Женщина в челоуейнике: Роман одного дня» встречаются элементы автобиографии, при этом, несмотря на его острую социальность, нет навязчивой публицистичности. Придерживаясь новаторской линии в прозе, роман не лишен привычной классической традиции. Автор соединяет хроникально-бытовое время с условным и перед нами как будто возникает подвижная лента интернета. «Роман одного дня» охватывает время разное, он как бы вне времени — один день длиною в жизнь, включающий и мгновение, и категорию вечного. Хочется задуматься: обыкновенный современный роман, есть ли он сегодня как жанр? Стоит лишь включить поисковик интернета и начнут мелькать приевшиеся названия: «Больше, чем любовь», «Тень Казановы», «Новая методика обольщения», «Брачный контракт», «Первородный грех» и тому подобное.

Между тем, прогноз Осипа Мандельштама о быстрой кончине романа не подтвердился. Леонид Ханбеков в предисловии к роману Алексея Яшина говорит о том, что его автор — фундаменталист, и роман выдержан в классических канонах, манера его письма нетороплива, писатель сосредотачивается на характерных приметах своего времени, создавая словесные портреты противоречивых явлений нашего социума. Алексей Яшин обладает собственной особой логикой. Если для истории не подходит сослагательное наклонение, то для философии и литературы — напротив, ведь оно помогает осуществлять анализ происходящего. Проза писателя не носит исповедальный или проповеднический характер, она вольная и ассоциативная, в большей степени философско-психологическая. Не секрет, что литература современности стремится к синтезу, сплаву документа и вымысла, мечты и факта. И автор имеет дело с живым материалом, когда форма не может быть квелой, потому как современный роман должен быть с драйвом, как должен быть с драйвом и образ современной женщины, образ многогранный и неоднозначный, составляющий главную и существенную роль в смысловом поле романа А. Яшина. Впрочем, исследовать идею сложнее, чем заявить тему. Автор совершает аналитическое проникновение в ткань собственного художественного текста, когда в ткань произведения вводятся всевозможные афоризмы, максимы, сентенции, дающие богатую пищу для размышлений.

Обложка книги цепляет названием «Женщина в челоуейнике», отзываясь реми-

нисценциями в соприкосновении с романом А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу», включающем философские научные идеи и социальные повседневные наблюдения. Философ А. Зиновьев пишет ясно и доходчиво, не смешивая науку и идеологию. Человейники у него — человеческие объединения, имеющие — микро-, макро-, и супер-уровни, общества и сверхобщества, подразумевающие устойчивую совместную историческую жизнь. Но никакой прогресс не дается даром. Доминанта западного мира — особая форма колонизации, где социобиологический робот стал абсолютной необходимостью его существования, где безразличие и прохладность — визитная карточка современных отношений. На этом глобальном цивилизационном распутье высвечивается главный вопрос нашего бытия — человек. Идеи трансгуманизма, провозглашающие цифровую революцию и упраздняющие самого человека, уведут нас в плоскость проекта человека-потребителя, ставшего материальной частью государства техносферы, для которого ноосфера, основоположником которой был ученый-мыслитель В. Вернадский, — лишь несбыточная мечта. На этот счет А. Зиновьев замечает: «Индивидуальность здесь так же избыточна, как и для муравьев», живущих в перенаселенных муравейниках, по образу и подобию которых и функционируют чело­вейники.

Но пересказать затейливую книгу А. Яшина, вызывающую необычное впечатление, крайне сложно, да и не стоит, ее нужно читать, ведь его «Женщина в чело­вейнике» пестрит писательскими придумками. Автор изобретает свой собственный понятийный аппарат, основанный не только на философской логике, но и на интуитивной логике познания жизни. К счастью, спасительной наукой о человеке является именно литература. Разве может прекратиться извечный спор эстетики и литературы, представляющий жизненный взгляд на литературу и литературный взгляд на жизнь? Но, как говорится, «на всякого мудреца довольно простоты» — строгая литературная наука требует истины. Окинув современный литературный процесс общим взглядом, понимаешь, что тихо уходят утомленные постмодерном, несдающиеся «шестидесятники», что либеральная революция и последующие за ней гражданские войны в литературе кончились и победили в ней не западники, не славянофилы, не демократы и патриоты, о чем говорит в книге «Такова литературная жизнь» критик Н. Иванова, а всенародная любовь, не увенчанная никакими премиями, — А. Маринина, Д. Донцова, Т. Устинова, с чем можно нас всех и поздравить! Получается, что литература проиграла эту компанию — победили те, у кого был талант писать плохо. Массовая литература взяла в полон все и всех. Поэтому книга А. Яшина — это не рассудочный прием литературной коммерции при всех ее редких экзерсисах. Автор намеренно оставляет нам условие и пространство для домысливания, ему присущ интуитивный дар ассоциаций, расширяющий текстовые горизонты заданного им философско-этического плана, заставляя при этом напрячь мозги и массового читателя легкого читива! А книга действительно написана так, что ее будут читать все! К тому же исключительно оригинально само оформление книги, автор использует метод всевозможных иллюстраций, гравюр, сатирических картинок-карикатур, позаимствованных из русских книг давних классических изданий.

Исходя из вышесказанного, А. Яшин неслучайно начинает роман выдержкой из книги А. Зиновьева «Коммунизм как реальность», приводя достаточно любопытную цитату об «интимной жизни коллектива», которая «не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью». В Советском Союзе всегда присутствовали «личные взаимоотношения». «Они сплачивают коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — своего рода единую личность (суперличность) коммунистического общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я», — заключает философ-социолог. Разрешая важнейшее противоречие между «я»

и другими, между личностью и обществом, в известной книге-трактате «Опыты» Мишель Монтень расширяет круг жизненных интересов, выводя человека за пределы своего «я», он говорит о его природных качествах: естественной доброте, чувстве долга перед окружающими, опорой которого как раз и служит взаимная любовь и симпатия людей. Но в западном типе человека и в его психологии над коммунистическим типом доминирует индивидуализм, деловой аспект и законы рационального расчета.

А. Яшин ставит задачу в своем социальном романе — показать русскую женщину в глобализирующемся человечестве — человеинике. Как видим, идея свежая, но, что касается жанра, то автор старается излагать материал в русле традиции, он идет от классического наследия — к современности. Итак, писатель рисует собирательный портрет женщины нашего времени, любезно предлагая нам, как замечает Л. Ханбеков, на мир «смотреть глазами своей героини». Основная рассказчица всех историй, их непосредственный аналитик, героиня романа — Елизавета Васильевна, которая к своим 32 годам еще и дипломированный психолог, кандидат психнаук. И «новый русский критический реализм», разработчиком и приверженцем которого А. Яшин является, русская словесность новейшего периода, как он считает, невозможны без тщательного исторического экскурса. Прозаик связывает разные эпохи и времена, извлекая корни зарождения и развития тех или иных событий, влияющих на человеческие отношения. Казалось бы, причем тут глава книги с весьма странным названием «Китаевка и ее обитатели»?! Однако в данной главе определены значимые максимумы — слияние в романе нескольких линий: история родины, что переплетается с историей одной, отдельно взятой, семьи, где обязательно присутствует автобиографический элемент, женские образы и философия любви, поиск мимолетного и вечного в жизни и судьбе.

Всеведущий автор совершает исторические сюжетные отступления и дает волю своему необычному литературному дару. Центр притяжения повествования — Егор Фомич Сиваленков, отставной боевой полковник, прадед Лизы, другой важный образ, параллельный образу главной лирической героини. Его усилиями был выстроен огромный дом, в котором жили «под одной крышей чисто по-русски», жили «традиционной семьей в три — четыре поколения». История про одну определенную семью обычно рассказывается для того, чтобы показать, как устроены многие семьи. Семья А. Яшина — потомки калужских крестьян, отец из калужских старообрядцев-половцев, моряк-североморец и архангельская мать с примесью шотландских кровей. Мать родилась в большом монастырском селе Великий Халуй Архангельской губернии — Северный край между Онегой и Северной Двиной. Эти места и белокаменный монастырь описаны им в повести «Коммуна комиссара Гоши». А вот география конкретного места действия в книге «Женщина в человеинике» — российский областной центр Тулуповск, старый уездный город, возможно, и воображаемая аллегория с городом Тулой, где везде, если ты живешь в России, всеильно чиновничество, определяющее все и вся, как и во времена славного губернаторства М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ну, а он, как никто иной, в этой бессмертной теме знал толк. В нашем Тулуповске находится и знаменитая Китаевка, основанная поселенцами-китайцами, приехавшими на работу в Россию, на стройку века — КВЖД — гигантский проект Транссиба. «Так появилась тулуповская Китаевка за железнодорожной линией, огибавшей город с западной его окраины», — красочные топонимические букеты живописует автор, попутно рассказывая о «китайских беглецах с родины», этой дешевой рабочей силе, пребывающей в избытке по срединной Сибири. В книге приводятся удивительные факты о том, что «как только Транссиб дотянулся до Харбина, а оттуда ветки на Владивосток и Порт-Артур, так китайцы всеми правдами и неправдами <...> устре-

мились в Россию <...> тысячи, десятки тысяч китайцев прорывались в Россию». Свой «долгий путь в Россию» совершила и знаменитая бригада Ле Хувейя, дальновидно нацеливающего китайских соотечественников приобщаться к русским традициям и культуре, к изучению русского языка. В свете нынешних событий и чрезвычайно активной и возрастающей роли Китая во всех сферах и областях человеческой деятельности будет уместно вспомнить цитату древнего китайского мудреца Сунь-цзы, когда-то провозгласившего: «Знай себя, знай других — и ты будешь непобедим».

Буквально каждую главу книги «Женщина в чужой стране» предваряют остроумные истории, похожие на анекдоты, а может вполне реалистичные были. Текст изобилует пословицами, точными авторскими умозаключениями, не лишенными иронического взгляда на природу вещей и явлений. «Что ж теперь нам делать с зловерными русскими пословицами?» — задается закономерным вопросом писатель. «Не верь коню леченому, вору прощеному и понятно кому крещеному» — гласит несколько подзабытая в наше демократическое время русская пословица, — читаем у А. Яшина. «А как быть с женщинами?» — спрашивает он тут же, переходя к магистральной теме. И не удивляет лаконичным заявлением: «А вообще-то после пушкинской «Сказки о золотой рыбке» ничего нового про женский характер уже и сказать нельзя». И даже, если предположить, что «Пушкин уже все о слабом поле написал», то в любом случае нельзя не учитывать и высказывание академика Н. Скатова: «Пушкин был главным Дон Жуаном русской литературы», — явив нам бесконечно богатый опыт любви. Женщины: мы думаем, что знаем их, а на самом деле лишь отчасти... Сколько уникальных женских черт не поддаются никаким объяснениям! Нечто магическое, по мнению автора, как «та же религия», есть у каждой женщины.

Не секрет, что на любой предмет можно взглянуть с двух точек зрения — серьезной и комической. А. Яшин, прежде чем представить женские образы, делает анализ социальной общественной почвы. Многое неоднозначно сегодня. Сделай паузу — скушай «Сникерс». Живи без напряжения, поздненько метаться, как вещают молодые. И прозаик прав, констатируя факты: «<...> к миллениуму, говоря по-импортному, секс-революция в новой России по размаху затмила все иные, бывшие в двадцатом веке, революции и контрреволюции». Алексею Яшину свойственна диалогическая манера мышления, порой переходящая в остросатирическую, когда имеет место быть рядом и раздвоенность, и совмещение двух полюсов. Герою романа Егору Фомичу присуща эта отстраненная манера «слушать других людей как бы «со стороны», в мыслях своих выстраивая нечто вроде связного и образного рассказа». Он обращает внимание Лизаветы, как по-старинному величает ее, на что и нам не помешало бы тоже обратить внимание — на «замечательную английскую присказку, вернее, даже правило поведения: «Беседуя, джентльмены не имеют в виду присутствующих!» И далее добавляет: «К сожалению, женщины ему не следуют, а все переводят на себя и собеседника...» На протяжении всего романа ощущается познавательный-аналитический взгляд, особая форма монтеневского самонаблюдения, раздвоение личности на «я» наблюдаемое и на «я» наблюдающее, на объект и субъект анализа, что создает искомое единство, когда эти два «я» приходят в гармонию и анализирующий получает одобрение со стороны анализируемого. Лиза, обладательница, пожалуй, одного из самых таинственных имен в русской классике, усвоила старую и проверенную школу своего боевого прадеда, недаром повторявшего известную цитату Салтыкова-Щедрина: «Генерал в России не звание, а счастье!» Вне сомнения, в ярком образе Егора Фомича автор воплотил славное прошлое нашей некогда могучей и единой державы. Перед нами — полковник-танкист с Золотой звездой за Прагу, страстный книголюб, член Союза журналистов СССР, написавший книгу о героическом пути своего Краснознаменного гвардейского танкового полка.

Малая Родина

*Все мои дожди отморосили.
Все ветра споткнулись на бегу.
Я умею только о России.
Ничего другого не могу.*

Г. Русаков

Надо сказать, освещая тему человеческих отношений и любви, их первостепенной составляющей, автор нет-нет, да и делает значительные ремарки, заставляющие думать о мире во всей его целостности: «История человеческая одновременно короткая и протяженная, особенно, когда само время сжимается, как у нас в стране в этот век, увы, уже уходящий: революции, войны, великие стройки и напряжение всех сил людей», — пишет А. Яшин, сохраняя связующую нить поколений. Но может ли родина быть малой? Он возвращает нас в настоящее, проецируя ход своих размышлений на Тулуповск, который «с давних времен традиционно поделен социально и территориально на однородные группы жителей, своего рода классы». Тулуповск — всего лишь своеобразная мини-модель всей социальной структуры нашего общества. В поле зрения А. Яшина и «класс различного чиновничества», благодаря оному и осуществляется «массовое уничтожение промышленности, что мы сейчас наблюдаем, и превращение населения в единый класс-гегемон». В итоге мы получаем невероятно усредненный духовный облик самого человечества — общество массового потребления — массовой культуры. Отсюда — совесть и честь, не присущая нынешней элите, ее крайне печальное, плачевное духовно-нравственное состояние. Как тут не вспомнить и давнюю мудрость: «За царя — на плаху, за народ — на костер, а за двухгривенный — куда угодно». Только сегодня это приобрело неслыханные масштабы. Здесь уместно сформулировать справедливую мысль академика В. Гольданского: «Все, что нам 70 лет говорили о социализме, оказалось ложью. Но то, как нам изображали капитализм, оказалось правдой».

Представляя читателю различные ситуации, хоть сравнения и вещь неблагодарная, весь момент лишь в том, как их подать, А. Яшин некоторые социальные моменты сопоставляет с описанными когда-то Салтыковым-Щедриным. У Михаила Евграфовича подобного немало в «Истории одного города», как-никак много времени провел он на чиновничьем поприще, в том числе служил рязанским и тверским вице-губернатором. Вот и получается: бедная богатая наша классика на все времена — и те, в которые сочинял Салтыков-Щедрин, и те, в которые после него, да и на наши времена ее хватило и хватает. К счастью или к сожалению, но у нее срока годности нет. А классика — она ведь всегда пластична, всегда уместна, всегда готова ответить на мысли автора и наши с вами насущные вопросы.

Не постигнув болезненных проблем бытия, сложно понять и философию современной любви, которая тоже изменилась, как и сама женщина, вынужденная подстраиваться и приспосабливаться к веянию изменчивого прогресса. Сколько вынесла на своих плечах русская женщина во все эпохи! И что в итоге?! Современное общество страдает неизлечимой болезнью безработицы, от которой лекарств нет и похоже не ожидается ни в близкой, ни в долгосрочной перспективе. А. Зиновьев, характеризуя советскую идеологию, выделяет ее ключевую гуманистическую ценность — это прежде всего «самоценность человека труда». Сегодня везде доминирует бизнес и в отношениях тоже. Фактор жизни западного общества управляет миром, везде подключен «глобальный денежный механизм» и «расчетливый прагматизм», давно разъедающий наше постперестроечное общество. От одних только слов с их нескончае-

мыми «измами» уже голова идет кругом. До любви ли?! Но на то она и русская женщина, чтобы вживаться в любую структуру, приспосабливаясь к любым обстоятельствам, при этом энергично обустроивая любую эпоху. Ни одной западной женщине такое даже и не снилось!

Так зачем же мы намеренно отказываемся от своего кровного, родного, стесняемся его?! Не зря А. Яшин и критикует отказ от всего исконно русского, высмеивая пагубное «превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американско-европейского образца». «У нас страна православная, католического чистилища», — тут же верно подмечает он. Крайняя гиперболизация, напоминающая салтыковское зоологическое уподобление, сопровождает его наблюдения: «Мне всегда обидно за некоторых животных, особенно за свинью <...> А вот поди же, самые дурные наклонности наших демократов ассоциируются со свиньей». Необходимо отметить, что в книге А. Яшина прежде всего есть основа серьезной почвы как безусловного условия шутки и объективного смеха. Трагическое и комическое всегда взаимодействует вместе, поэтому автору не чужд и Достоевский удивительный юмористический смех, и близок редкий пушкинский дар веселости.

Причинная связь явлений сопряжена с постоянным анализом происходящего, и мы вместе с автором и героями романа пытаемся разобраться и в системе ценностей, и в системе соблазнов. Принужденные страстью к доллару, девальвировавшему победу СССР во Второй мировой войне и жирующему Россию и русский характер, мы, что подчеркивал и А. Зиновьев, обретаем «усредненное и стандартизированное сознание», когда «стремление «иметь» в основе своей возобладало над стремлением «быть»». Роман А. Яшина «Женщина в человеинике» раскрывает три смысловых измерения: этическое, мировоззренческое, гуманистическое. В таком диапазоне и выстраиваются психологические и социальные модели общества. Задача писателя их совместить, осмыслить и вписать в современный контекст жизни. Весь вопрос в том, как это сделать, когда мир вокруг сходит с ума? «Но главное в нынешней нашей жизни — это целенаправленный разврат из тележжика, глянцевого журналов, «женских романов» в мягких переплетках», — таковы сегодняшние реалии, волнующие писателя.

Сократ изрек гениальную фразу, неумирающую в веках: «Все тайное, рано или поздно, становится явным». А у А. Яшина это «явное — обратная сторона тайного». Тайну, вопреки логике жизни, пытаются спрятать, а она и есть — явь. Она и есть та настоящая история, которую не хотят знать, о которой не хотят слышать, от которой отворачивают лицо. Познание сущности бытия невозможно без экзистенциального взгляда, без него невозможно представить и женщину в условиях нашей формации. Хотя излишне залезать в психологические глубины не стоит. А. Яшин предлагает оглянуться просто на себя и на окружающую жизнь своих знакомых, что, собственно, и делает главная героиня Лиза. Сходством психологических типов определяется сходство судеб. Жизнь и литература соединяются, творя общий культурно-психологический женский тип как отражение нашей противоречивой эпохи. В романе явственно ощущается уверенный авторский голос, сопереживающий женщине, сочувствующий и оправдывающий ее, но никак не осуждающий. Читатель убеждается, что об одном и том же предмете может существовать взаимоисключающее мнение. Даже самому талантливому писателю трудно пересюжетить реальность — она сейчас драматичнее и страшнее любой выдумки. И не над вымыслом сегодня обливается слезами учительница литературы на Крайнем Севере или в пылающей Новороссии, а над своим существованием. Резко изменилась сама ситуация и момент заветной истины ушел в небытие. Анна Каренина уже не входит в круг героинь романного чтива наших современниц, она их, искушенных в любовных изменах и отринувших всяческие

табу, давно не интересует, вызывая своим убийственным поступком лишь легкое недоумение.

«Жизнь не есть зло и благо: она вмещает и то, и другое по нашему собственному выбору», — утверждал Мишель де Монтень. И Лиза «представляет себя некоей сторонней наблюдательницей», она, словно героиня из классики, видит судьбоносные сны. Елизавете Васильевне, дипломированному психологу, вполне доступно «толкование сновидений» по Фрейду, так как и ее личные «навязчивые», «неспокойные» сны — продолжение обыденной жизни, ее изнанка. Сны — это и воспоминания, и наша тревожная жизнь, а может быть «предверие неосуществленных желаний», реализация которых, как считал Фрейд, возможна в сновидениях. И чего только не приснится женщине, пребывающей в одиночестве после не совсем удачного замужества?!

Причем интересно отметить и другие образы: Вера Тимофеевна — старший менеджер одной московской фирмы. Обычная, на первый взгляд, женщина. Но лишь на первый... Пожалуй, одна ремарка автора скажет о ней многое, если почти не все: «И время пошло такое: не до высоких моральных принципов...» Здесь нельзя не вспомнить характеристики М. М. Бахтина о «сочном плотском колорите», олицетворяющем связь с «телесным низом». И другая героиня романа Светлана Анатольевна Холодова, филолог по образованию, — «самая шикарная женщина» города, в отличие от той же Веры, знающая себе истинную цену, высказывает «прискорбную» для женского пола вещь, когда «явная, профессиональная проституция — крайнее выражение биологической сущности самки. Не зря же это — древнейшая профессия». Парадокс и голая правда. Светлана словно символизирует потерянность любви в современном мире, не оставляющем никаких иллюзий. История ее подтверждает старую истину, что, когда речь идет о женщине и мужчине, то дело не ограничивается областью одних только чувств — есть и расчет! Миром правит закон относительности, а значит, субъективности, произвольности наших чувствований.

Весьма отличительная индивидуальная особенность А. Яшина — уникальная способность переключаться, резко меняя тему и область исследования, при этом не теряя нить размышления, он умеет логически возвращаться к основному вопросу. «Русская земля, горестная и великая», как сказал о ней современный критик В. Лютый, не покидает его. За внешним юмором чувствуется боль за страну, горечь разочарования за развал ее былой мощи. Нельзя не согласиться с А. Зиновьевым, который дал случившемуся правильное объяснение: «Жизнь коммунистического общества была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей». Социальная сфера у нас была выше и эффективнее капиталистической. Сегодня же происходит вопиющее ограбление и обнищание русского человека, не поддающееся никакому определению, и А. Яшин, фигурально выражаясь, открывает глаза народу: «<...> мы вам нефть, вы нам — некондишен — ширпотреб. Внутренняя торговля суть чистойшей воды спекуляции «купи — продай». Очень колоритные детали нашего времени: с одной стороны — суверенные государства, процесс демократии, с другой — гастарбайтеры из Средней Азии — лицо российских городов с их черновой работой, трудовая армия «понаехавших», как их называют.

И все же автор находит способ смягчить реальность «эпохи кривозеркалья». Критика и самокритика, как утверждал товарищ Сталин, — движущая сила нашего общества. А. Яшин чаще всего склоняется к мягкой критике. Духовный упадок западного общества, о котором нас так убедительно предупреждал писатель социальных романов А. Зиновьев, пришел и к нам! Мы получили, по словам А. Яшина, долгожданную «свободу выбора» «с ссылкой на весь остальной цивилизованный мир». Но загадочна русская душа, обладающая ощущением жизни, трагическим и спасительным одновременно. Красноречивый и наглядный пример — гвардейский полковник Егор Фо-

мич, передавший патриотические чувства любви к Отечеству правнучке Лизе. Биография его поражает: воевал в Испании, на Халкин-Голе, на Дальнем Востоке с самураями, 20 лет прослужил в высшем военном тулуповском училище. Главное — построил старый Дом на горе, где жила большая семья в четыре поколения! Разве это не человеческий подвиг?! «Именно у нас оно было! Хотя бы мы можем сейчас сравнить и сказать: мы жили в счастливое по оптимизму время и в уникальной, социально ориентированной стране!» — с воодушевлением и духовным подъемом говорит он о советском государстве. «Сильный воспитанным от рода своим характером при любом раскладе жизни останется человеком!» — бравый фронтовик смог передать Лизе по наследству как самый большой дар — твердый и несгибаемый характер. А также еще привычку документировать и анализировать свои наблюдения. Рыночная цена не смогла до конца вытеснить этическую оценку, потому что не все сдались на волю случая, и далеко не все стали продуктом западной эволюции, вступив в антагонизм с «западоидом» — искусственно выведенным существом, этим равнодушным потребителем.

Лиза, вопреки нашему противоречивому времени, следует завету прадеда, когда собирает свои сокровенные заметки о природе любви и особенностях женского характера. «О женском пиши — как бы со стороны на это женское смотри, как мужчины на вашу братию поглядывают!» — советовал ей умудренный жизнью Егор Фомич. «<...> вся литература создается вокруг любовной интриги», — нельзя не согласиться с автором книги «Женщина в челоуейнике». Возникает и другая интрига: удастся ли ему сделать открытие в этой многогранной теме? Скажет ли он что-то новое? Женщина и любовь — «основа человеческого существования». Сколько восхитительных произведений в мире о самоотверженных любящих, вобравших в себя и романтизм с его культом страстной любви, и христианство с нравственно-духовным аспектом. Наиболее известные и читаемые: «Письма незнакомке» А. Моруа, «О любви» Ф. Стендаля, «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Страдания юного Вертера» И. В. Гёте. Впрочем, нет смысла их перечислять, они бесконечны, как и сама жизнь...

«Поговорим о странностях любви»

Великий русский классик говорил о них с присущей только ему одному гениальной простотой и ясностью. Поэтому зная, с какой величиной ты имеешь дело, прекрасно осознаешь, что любовный опыт пушкинского дара неотделим от нашей жизни. Любовь — огромное, властное, всепроникающее, всепобеждающее чувство. Таинственная власть, древняя, как мир... Взгляд человеческий всегда будет ловить влюбленных. Свечи разума здесь не зажигают. Так было — так будет... «В любви всегда есть немного безумия... но и в безумии всегда есть немного разума», — находил и здесь золотую середину, присущую древнегреческой философии, Ф. Ницше. «Почему в шахматах нет женских фигур?» — интересный вопрос ставит А. Яшин, поясняя суть воплощения формальной логики, где есть только «да» и «нет». У женщин, как известно, эти категории размыты и абсолютно лишены конкретики. Конформизм женщины порой не знает границ. В череде ярких, но незавершенных до конца женских образах, автор представляет богатейший арсенал любовных историй. Оригинален его взгляд на женскую и мужскую природу. Как, казалось бы, они друг другу не противились, он их парадоксально объединил. Возможно, человеческая жизнь существует для того, чтобы ее прожить во всех данных нам проявлениях.

Вот лишь небольшие образные изречения из книги «Женщина в челоуейнике»: «Любовь — это и дорога, и указатель, и цель, и место отправления; она же и остановка дилижанса, что везет девочку, потом девушку, женщину, почтенную мать семейства, по жизни». Или еще такое, поражающее разгадкой женской сути: «Женщина

идет по дороге жизни, скромно потупив взор, кокетливо оправляя рюши и оборки платья, а где-то невидимо для других, в самом сокровенном уголке сердца, ведет ее по пути неугасимый огонек, свет в окошке, звезда ее жизни — вечная любовь, даже не оформленная в конкретном образе». «Женщина питается любовью днем и ночью, утром и вечером, во сне и наяву», — нечто поэтическое ощущается в этих проникновенных авторских строках. А. Яшин достаточно афористичен, лаконично определяя само значение любви в женской судьбе: «Любовь — содержание жизни женщины». А «любовь женская есть первооснова всякой любви» — такой базис подводит писатель к этому вечному зданию, что строится и совершенствуется веками. Но присутствует в любви и естественный подход, заложенный первородной природой, которую никогда не обманешь. Автор приводит закономерные истины: «Продолжение рода и его улучшение — вот двигатель женской любви!» И развивает предыдущую мысль в другом умозаключении: «Любовь — это маска, красивая маска естественных биологических процессов», — проще говоря, тот же выход либидо. Не зря же миф о первородном грехе лежит в основе нашей христианской культуры.

Тайна любви непостижима. Любовь избирательная, вероятно, и есть настоящая любовь. Впечатляет история Анны, молодой учительницы, с таким трудом встретившей свою долгожданную любовь. «Аня с мистическим ужасом почувствовала, что ее украли», — украли ее саму, ее душу, лишь тогда к ней пришла единственная любовь. «Мы выбираем друг друга не случайно — мы встречаем лишь тех, кто уже существует в нашем подсознании», — отмечал в своем психоанализе З. Фрейд. Это законы, равносильные законам особой химии, особой селекции и особого отбора. Нужно быть готовым к неожиданному повороту и к тому, что называется словом «перформанс». Любопытны и артистические перформансы, на которые столь богата выдумками литература постмодернистская, что-то подобное излагает А. Яшин в главе «Женщина в отдалении». «Женщина в отдалении соответствует определенному стереотипу», — и он удивляет тонкими наблюдениями и выводами, необычными находками. В качестве парадокса привлекательности незнаемого — следующий его афоризм: «Всегда женщина сначала стремится показать себя в отдалении и, только произведя впечатление издали — чисто внешне, — начинает понемногу, осмотрительно приближаться». Мужчина и женщина, как две прямые, что неожиданно пересекаются и сходятся — вопреки Эвклиду, благодаря Лобачевскому. «Черное» и «белое» — таков характер малознакомой женщины, когда и ее воспитанность не поддается разгадке на расстоянии, — тоже важное авторское уточнение и особый нюанс.

Природа мудро создавала женщину как свое самое красивое и любимое творение. «Никто не в силах противостоять зову природных сил: это не патология; патология, когда наблюдается обратное», — убежден автор. Монтеневская этика и ее глубокомыслие заключается в том, чтобы доверчиво прислушиваться к голосу человеческой природы, ни в коем случае не совершая над ней насилия, а ввериться природе, значит найти путь к самому себе. К примеру, в главе «О стихах Вергилия» Монтень говорит о том, что величайшая глупость пытаться обуздать в женщинах то желание, которое в них так могущественно и так естественно. «Постарайтесь понять ее природу и все в ней станет правдивым», — советует разумно принимать суть женской природы и автор книги «Женщина в человеинике».

Господи! Сколько же соблазнов на пути к познанию истины... Тот же Монтень признавался, что истина заведомо недостижима. А Гете писал: «Легче найти ошибку, чем истину». А. Яшина аналогично волнует не сама истина и ее обретение, а поиск, сама жизнь во всем ее многообразии. Писатель не стремится преодолеть или затушевать все эти противоречия. Его поиск устремляется в бесконечность, но не столько продвигаясь к искомой и объективной истине, которая навряд ли существует, сколько расширяя круг новых исканий. Другая глава, кардинально противоположная пре-

дыдушей,— «Женщина вблизи», когда «наблюдается абсолютная несхожесть того, кем была, и кем теперь стала женщина». А. Шопенгауэр считал, что любовь мужчины заметно ослабевает с того момента, когда он начинает обладать женщиной, ибо он быстро жаждет перемены, любовь же женщины именно с этого момента и возрастает. Мужчина не представляет, делает акцент А. Яшин, каково это «бремя замужней или просто близкой женщины». Но и женщина не так проста, как кажется, ей характерны метаморфозы в любви, ведь «женщина стремится быть и вблизи, и в отдалении одновременно». На это замечательное качество женщины и обращает наше внимание А. Яшин. Сближение с женщиной — тоже тайна... «Женщина приближается из отдаления, все ближе и ближе»,— она становится иной, так меняется мысль в зависимости от слов, которые ее выражают, остроумно замечал Блез Паскаль. Да, женщина приближается, трепещите мужчины, никогда не исключено, что все ближе и ближе это тютчевское «кроковое слиянье» душ, этот извечный «поединок роковой», в котором нет победителей. Мужчины и женщины стоят друг друга. Никто не лучше и не хуже. Между тем, они страстно жаждут обоюдной гармонии в любви.

Как видим, жизнь — борьба равнозначных зачатков идеального и рационального подходов. И наше время состоит из сплошных парадоксов. «Современную женщину в возрасте от детсадовского до преклонного мало интересуют любовные и окололюбовные игры с мужчинами. Ей свойственен крайний прагматизм: деньги, деньги и еще раз деньги»,— недоумевает автор о печальной природе такой алчности, а также немислимом покупательском инстинкте. Запад выработал прагматизм, в чем-то граничащий с иррационализмом. Мы сегодня во многом превзошли ту же Европу, уставшую от этого и начавшую вполне разумно относиться к теме потребления. Но есть и то, что в корне отличает нас от них: тяга к жизнеустройству других людей, отдающая, по словам А. Яшина, откровенной навязчивостью. Так устроен русский человек, которому мало интересна жизнь собственная, для него она однообразна и невероятна скучна. Об этом психологическом разнообразии и крайностях русского народа писал еще Достоевский, указывая на отличия русских от более «причесанных» и в своей массе лишенных этих крайностей европейцев. Н. Бердяев в книге «Судьба России» аналогично обращает внимание на такую черту русского характера, как чрезмерная забота о ближнем, когда русский способен ради него пожертвовать даже личными интересами и личным благополучием. А вот что из этого может получиться, А. Яшин рассказывает в истории об одном молодом холостяке Игоре и о непреодолимой страсти природного влечения, что оказывается сильнее человека и его воли.

Приоткрывает завесу тайны в важном моменте женской сексуальности, равнозначном ее женственности, глава «Женщина на ложе любви», по сути эти два понятия — синонимы, в чем не сомневается автор. Женщина живет «великим инстинктом всегда быть готовой!», хотя на самом деле, если задуматься, то прав А. Яшин,— «постоянно сексуален мужчина». И Монтень утверждал, если «дело идет о любви, той самой любви, которая теснее всего связана со зрением и осязанием, то можно достигнуть кое-что и без духовных прелестей, но ничего без телесных». То же самое писал и А. Шопенгауэр в «Метафизике половой любви», главной теме исследования всей жизни: «Ибо невозможно, чтобы нечто природе человеческой чуждое и ей противоречащее, т. е. какой-то из воздуха сотканный призрак, постоянно и неустанно вдохновляло поэтический гений и в его созданиях находило себе неизменный прием и сочувствие со стороны человечества». Если с доминантой сексуальности, составляющей главное начало в женщине, более-менее ситуация ясна, то совершенно порой непонятна мотивация ее остальных поступков. Не зря З. Фрейд, несмотря на его 30-летнее изучение женской души, так и не смог ответить на коварный вопрос: «Чего хочет женщина?» А. Яшин, рассматривая женщину в каждом возрастном периоде, приходит к непредвиденным открытиям: женщина странным образом всегда живет

романтическим состоянием мечты, что у нее «все впереди!», и «лучшая любовь», и «не встреченный мужчина». Как ей это удастся, понять сложно. Был провидчески дальновиден Ф. Ницше, особенно относительно женщин, когда замечал, что «всякая великая любовь хочет не любви... она хочет большего».

Разумеется, можно попытаться разгадать те или иные черты женского характера. Но мне представляется, что занятие это бесполезное, не будем забывать и о том, что женщина в совершенстве владеет искусством обольщения, привлекая мужчину азартными играми соблазна. А. Яшин в «Эссе о соблазне», вошедшем в роман, придает значение игре случая — этой определенной и во многом закономерной логике судьбы. Он обращает наше внимание на ключевое «счастлирое сочетание — красоты и обаяния», данное некоторым женщинам, способное творить невозможное. «Так гибнут города, открывая ворота войскам двух союзных Императриц: Красоты и Обаяния», — преклоняется писатель, склоняя голову перед магической силой женских чар. Есть и третья составляющая — ум, но в этом сочетании он, пожалуй, будет для женщины непозволительной роскошью. Ценно и важно — в книге нет категоричности суждений и с человеческой точки зрения, и с научной! Конечно, тематическое мышление — противостоит мышлению поэтическому, и все же А. Яшину удается придать своей прозе настоящую поэтическую ноту! Как восхитительно он описывает «женщину, преследуемую мужчиной», словно экзотическую «охоту со всеми ее страстями и эмоциями», когда воистину «бегущая от преследователя женщина прекрасна». Так же и Монтень когда-то восторженно философствовал о женщинах: «Пусть они всегда убегают от нас, и даже те среди них, кто не прочь позволить себя поймать, — они верней побеждают нас, убегая, как делали скифы».

Целая жизненная философия содержится в романе А. Яшина и в главе «Стадии любовности женщины». «Когда размышляешь о пути женщины по жизни, то неизбежна ассоциация с плодом», — предается философским размышлениям прозаик, видя женщину в извечном круге бытия и природы, в ее неизменных и повторяющихся циклах, но, как ни грустно, круг судьбы женщины имеет и завершение. Верно и то, что «каждому периоду жизни женщины вполне однозначно соответствует и своя форма любовности». И все же всему свое время и место. «Время любви и бремя любви», — возникает авторская параллель с проповедником Экклезиастом, изрекшем вечные слова: «Время любить и время ненавидеть». Лента возраста — как лента Мебиуса... И женщины передвигаются по ней, переворачивая неумолимое время, питая несбыточные надежды и иллюзии превзойти и время, и коварный возраст. Но женщина так устроена, она не была бы женщиной, если бы верила в обратное! Она всегда живет ожиданием, преддверием тайны.

Надо признать, что в большей степени занимает не сам предмет исследования, а то, как автор его трактует. Впрочем, тщетно пытаться подчинить себе жизнь, втиснуть в схему, тогда как подвижная, изменчивая, многоликая жизнь постоянно разрушает любые идеи и стереотипы. Достаточно неординарно подходит А. Яшин и к вопросу, который до сих пор вызывает в обществе яростные споры и двоякое мнение, — это женщина и феминизм. Эмансипация затрагивает сегодня широкий спектр идеологических, политических и социальных явлений нашего общества. Провозгласив однажды убийственную фразу: «Половой акт — как выпить стакан воды!» — Коллонтай не принесла обладательницам слабого пола ни желанной радости, ни вождельной свободы от семейного ига. «...Но на самом деле эмансипация, т. е. безумное своеволие женщин, берет начало в библейской поре...» — видит автор корни и генезис этой неразрешимой проблемы. И приходит к очень неожиданному, но, в целом, верному выводу: «Самое существенное, что истоки эмансипа предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам даже в постели». Писатель излагает проблему в гротескном преломлении, спрятав ее

под толстым слоем иронии, но никоим образом, в чем надо отдать ему должное, не прибегая к цинизму. Авторский голос присутствует здесь то прямым включением, то емким резюмированием, то непредвиденными заключениями. Действительно, эмансипэ, этакая жорж-зандка, живущая имитацией чувств, кому она нужна?! Без грустной насмешки, переходящей в сарказм, данный феномен не представить. Поэтому у автора свой порядок мыслей, своя выверенная логика, вскрывающая пласты бытия — от высоких философских умозрений до чисто физиологических. Гораздо привлекательней образ женщины, который смягчает, а не ослабляет мужчину в этой бессмысленной борьбе полов за первенство. Лишь тогда для подобной женщины, как заметил Белинский, «меркою ее достоинства может быть мужчина, которого она любит».

Определяющим, концентрирующим главные смыслы можно считать в книге авторское «Эссе о мудрости и судьбе», где А. Яшин вовсе не стремится объять необъятное, но прежде всего хочет сказать о том, что тема женщины и любви неисчерпаема и стара, как мир, который никому не дано заменить собой. «Затронутая тема глубока и бесконечна, точнее, бездонна», — подтверждает прозаик. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле», — гласит Ветхий Завет (Бытие. I. 27-28). Но вопреки всему от древа познания добра и зла вкусили запретный плод мужчина и женщина. Какой же плод это был, нечто соблазнительное и недозволенное?! Видимо, должны обязательно существовать пределы человеческого знания, пределы доступности для человека истины, предел того, что за гранью, за которой, возможно, лишь бездна. «Все, что делается из любви, совершается по ту сторону добра и зла», — недаром пронизательно замечал Ф. Ницше. Видимо, это заложено изначально в человеческой природе. Как совместить любовь и свое «эго», свой эгоцентризм? Наше бытие пронизано диалектическим сопряжением противоречий, гениально сочетающихся и совмещающих вещи совершенно противоположные.

Вот так же, «добру и злу внимая равнодушно», Лиза разбирается в типах женских характеров, слагая свое «философско-беллетристское баловство» и «размышляя на бумаге не от женского естества, но именно глядя со стороны неважно чьей: женщины ли, мужчины». И ни она, ни автор книги не предлагают читателю никакого постулата, никакой теории, претендующей на полное объяснение жизни и любви. Автор хочет лишь найти наилучший практический способ, подобно тому же Монтеню, позволяющий «достойно» прожить отпущенный нам срок, — и мужчинам, и женщинам. Ибо удел человеческий не в безнадежном бунте против «творения», а в открытом и сознательном согласии до конца пережить и исчерпать условие человеческого существования: ведь в конечном счете это и есть наше бытие, это и есть наше все. Законы мудрости и жизни напоминают шахматный лабиринт. Несмотря ни на что, человеку присуща неизменная способность радостного восприятия жизни и любви. Счастья мы ждем беспрестанно.

Именно женщине дано решать такую важную составляющую как проблема души, которую в полной мере одни мужчины разрешить не способны. Каждая глава в книге объединена неким общим предметом, идеей, темой, и автор подбирает различные ключи, ищет различные подходы для их раскрытия. Он использует нестандартный идейно-тематический ракурс видения, никогда не склоняясь к поверхностному описанию. Книга наполнена поучительными примерами из жизни, историческими анекдотами и цитатами, поэтому ощущение смысловой хаотичности и многомерности происходящего исчезает, благодаря случайному, а скорее всего и не случайному, соединению отдельных текстовых фрагментов. Изящество, помноженное на юмор, вне всякого сомнения, привлекает в этой книге: «Только на Руси счастливая дура —

лучшая из женщин», когда мы с изумлением обнаруживаем, что «правила» на глазах превращаются в «исключения».

Вот и сны Лизы, представленные в книге «Женщина в человеке», — первый и второй, непонятны и недействительны вне контекста современной литературы и современной реальности, в которой тоже наблюдается подобие страны Зазеркалья, пронизанной всевозможными чудесами. Сны эти наполнены ассоциативным динамичным сюжетом мысли, психологической углубленностью, ярким колоритом каждой бытовой фигуры. Здесь налицо добрые и привычные гуманистические традиции русской классики, ее широта, глубина и свобода, легкая ирония, добродушный юмор, если хотите. Второй сон Веры Павловны из романа русского классика-демократа — условная параллель дневного, фантазмагоричного, эротичного сна лирической героини А. Яшина. Отображение первенства в женской натуре, ее первородного, природного, а точнее — естественного начала, ставил во главу угла Л. да Винчи. У З. Фрейда в его известном соннике, в главе «Сексуальные сны. Расшифровка и толкование эротических снов» сны являются «шифром», кодирующем запретные и неосуществленные желания. К. Юнг в свою очередь ссылается на архетипы-модели, которые становятся двигателями творческих импульсов человека и составляют основу сновидений. Лиза во втором сне «ехала все по тому же, знакомому по первому недавнему сну, шоссе «Нижний-Новгород-Пенза». Она и во сне размышляет о повседневности, не вырываясь из ее круга. Срабатывает пространственная рефлексия, основанная не только на прочитанном, но и на лично пережитом, увиденном, услышанном, случившемся именно с ней, профессиональным психологом и просто молодой и удивительно чувственной женщиной, хорошо понимающей всю невозможность найти твердые критерии каждодневного поведения среди людей. Итак, в черед «борьбы сознательного и бессознательного» наша Елизавета Васильевна постигает природу человека вообще. А «природу не обманешь ни ученой степенью, ни заботой о любимой дочери», на что указывает автор, когда результатом и реализацией снов Лизы стали три счастливых, три реальных дня любви, дав выход всех накопившихся скрытых сексуальных желаний. «Неистребимое женское влечение» не имеет преград, оно способно покорять даже самые неприступные крепости и города. Верно подмечает А. Яшин неповторимую особенность, присущую сугубо русской женщине, предельно точно передавая ее тайное и самое сокровенное желание: «Баба я русская, что всегда хочет любви! Настоящей, не импортного «секса», но — любви!» Ценит автор и такое редкое качество как женский ум. «Нет ничего печальнее женщины, которые не умели ничего, кроме как быть красивыми», — есть весьма тонкая ремарка у французского писателя и философа Б. Фонтенеля. По-видимому, конкретная «примерка чужой невестой чужого свадебного платья» заставила Лизу, как опытного и трезвого аналитика, помнившую науку прадеда, отменить второй поход замуж. Так или иначе, но ей удалось предвосхитить судьбу, словно опережая строки Л. Н. Толстого, какими начинается роман «Анна Каренина», когда «все счастливые семьи похожи друг на друга», а «каждая несчастливая семья несчастна по-своему».

Совсем иная сторона снов Лизы — это картины нынешней окружающей действительности со всей ее избыточно-реалистичной детализировкой и насыщенной окраской. Как известно, нет ничего скучнее чужих снов — и ничего интереснее собственных. В книге масса примеров из нашей с вами сумбурной жизни: и автомобильные отверточные технологии, и нынешние заводы по сборке японских или китайских автомобилей, и беспилотные автобусы как свидетельство склонности обезьянничать и во всем бездумно подражать Европе. А ведь еще известный русский философ Н. Данилевский в книге «Россия и Европа» говорил о невозможности вхождения России в европейскую политическую систему, объясняя это их различными культурно-историческими типами. Он твердо защищал русское начало, призывал русский народ не

заниматься самоуничижением и самобичеванием. Немецкий философ В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» признавал следующее: «В противовес прометеевскому, западноевропейскому человеку, русский обладает христианскими добродетелями в основе своих национальных свойств. Русские были христианами еще до обращения в христианство...» Прав и наш современник, русский писатель, поддерживающий христианские традиции православия, В. Крупин, когда пишет открытые и чистые строки: «Ничего не надо выдумывать. Да и что нам, русским выдумывать, когда жизнь русского сама по себе настолько необыкновенна, что, хотя бы ее-то успеть постичь. Она — единственная в мире такого размаха: от приземленных до занебесных высот». Разумеется, это нужно ценить. Русским людям свойственно «чисто русское неприятие имущественного неравенства», о чем замечает А. Яшин, и о чем также неоднократно писал Ф. М. Достоевский, и которое, как ни странно, возможно, и стало одной из основных причин Октябрьской революции 1917 года. В этой связи А. Яшин рисует образ Филимона Пантелеевича, дядьки Егора Фомича, — редкого артиста Императорских театров, удостоенного самим Государем юбилейной алюминиевой медали, что ценилась тогда выше золота.

И. Золотусский, российский историк литературы, писал в свое время о том, что вряд ли Горбачев или Ельцин читали хотя бы Татищева, не говоря уже о Карамзине, Соловьеве и Ключевском, которые знали свой народ лучше большевистских или антибольшевистских теоретиков, нигилизм последних и породил перестройку, «эту уличную девку истории». Перестройка и ее лидеры утвердили другую диктатуру, более худшую, бездарно переняв европейскую диктатуру, до крайней жесткости деловую. А. Яшин подвергает достаточно резкой критике глупое поклонение перед Европой, будто там все самое передовое и лучшее. «Хорошо там, где нас нет!» — уверен он, вспоминая надежную народную мудрость. Недаром и А. С. Пушкин в стародавние времена, а вроде нынче, с горькой иронией писал, обращаясь к русскому народу: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды лик увидел, / И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел». Поэтому не будем забывать старые истины: у России имеется свой нравственно-философский ресурс, своя территория личности и культуры. Деньгам мы можем противопоставить великую культуру. Сложнее с экономическим и политическим ресурсом. Литературовед, писатель, профессор А. Андреев вполне справедливо выскажет интересную и умную вещь о феномене глобализма, когда «сам глобализм есть, а глобальных идей — нет». А. Яшин и показывает это «зазеркалье» — эпоху «человеиника в глобализме». Судя по всему, критический реализм и подлинная правда, — наиболее важные критерии в творчестве писателя. И если США и Европа свели цивилизацию лишь к комфорту, и «европейские ценности» сегодня вызывают не только большие сомнения, но и опасения, то у России появился шанс стать цивилизацией, ответственной за сохранение ценностей человека. Очевидно, что современный глобальный кризис имеет гуманитарные корни, это кризис субъективных представлений о мире и понимании роли человека в нем. А как же быть женщине, «помещенной в безликий человекиник»? Ведь любовь — это женщина, и «женщину красит любовь и только она единая», в чем не сомневается писатель.

Обширный взгляд на жизнь и искусство, умение мыслить масштабно, этот характерный свободный авторский подход ощущается в последней главе «Завершение дня и большие сборы ячейки человекиника», обобщающей главе, символично подводящей итоги прожитого сложного дня. И не забыли гости и друзья, пришедшие в дом Елизаветы, отдать дань памяти и Егору Фомичу, его человеческой доброте, воплощенной в характере правнучки. «Все от земли мы. И не стыдимся этого», — звучат слова первенствующего тоста их дружеского и по-русски щедрого застолья. Егор Фомич, как никто иной, знал цену земле и крепкому крестьянскому слову, что во все времена было и остается всему основой. Уважал самобытную народную речь, ее разговорно-

бытовой стиль, с которым мы знакомимся в книге А. Яшина. А сила и краса народной речи таится в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любопытстве, что мы и находим в его текстах. Не приемлет автор иноземной, технократической свалки с ее неживой, пластмассовой речью!

«Что нас здесь объединило?» — вот по-настоящему глобальный вопрос в романе, вопрос одного долгого дня в Доме на горе, такой необходимой для нас ячейки и такой дорогой составляющей глобального человечника. «Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь», — писал историк В. Ключевский. Впрочем, ничто не ново под луной. Для нашего человечника по-прежнему актуально монтеневское «искусство жить достойно» и причем не столько в экстремальных, сколько в самых обыденных ситуациях. Здесь побеждают взаимная симпатия, всеобщая связь сочувствия — разумные человеческие принципы, характерные для русских людей, скрепленных взаимопомощью во имя любви и добра. Ведь истинное деяние, как изрек когда-то последний Император Китая Дао, «должно быть незаинтересованным». Мы живем в прагматичное время, когда мир не поддается сколько-нибудь однозначной расшифровке. Литература тоже впитывает и перерабатывает эту жизнь и собственную судьбу, потеряв сегодня свои руководящие роли. Несмотря на это, Алексей Яшин по-достоевски пронизательно мыслит о жизни, во всем ее единстве и во всех противоречиях. Он, как эстет, органично и самодостаточно, где-то лаконично и иронично, возвышенно и до афористичности понятно представляет свое повествование, свои литературные миниатюры, впечатляя читателя своим незаурядным и оригинальным дарованием, своеобразным почерком, колоритным языком. Используя некоторую извилистость письма, прозаик не перестает покорять изящным летучим эссеизмом на русской крепкой почве, неотягощенной ни трактатностью, ни академическим занудством. В различной комбинаторике жанров, собранных в романе, в зеркальных отражениях жизни он видит законченность многообразных элементов художественного целого. Завершающий авторский парафраз книги: «Пока еще «есть женщины в русских селеньях», — хочется продлить мыслью, что есть и писатели, и литература русская, несущая очистительный заряд, наполненный колоссальной энергией созидания. Пусть она, потеряв уникальное место в обществе, перестала быть «властителем дум», зато смогла сосредоточиться на возможности не менее перспективной — познании себя и мира.

И Алексей Яшин не столько жизнь связывает с философией, сколько философские книги с жизнью. Он использует экзистенциальный опыт, о котором А. Твардовский сказал, что «собственная жизнь — это клад». Она гораздо интереснее придуманных историй, именно в ней проявляется реальное воплощение универсальных понятий. А. Яшин подтверждает своим творчеством ясную философскую цель — любить просто жизнь, любить друг друга, разрушая ненужные стереотипы. «Жить — есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаясь душой к его источнику...» — разумно и вместе с тем мудро размышлял Н. М. Карамзин. Точно так же живут и герои книги Алексея Яшина «Женщина в человечнике», живут, согретые женской любовью: жертвенной, долгой и верной, легкой и мимолетной, страстной и умиротворенной, очень разной, но любовью бесконечной, всегда устремленной к вечности, единственной и неповторимой, глубоко индивидуальной. Так было и так будет, как в этих загадочных и стремительно летящих по жизни строках современного поэта Владимира Бояринова:

Все повторится в простоте / В ночи с гнезда сорвется птица.

И растворится в темноте, / Чтоб никогда не повториться.

